

Сергей Устюгов

Тревожная
командировка – 2

Annotation

Продолжение "Тревожной командировки". Герои разлучаются и пытаются выживать в совершенно незнакомой обстановке. Серый попадает в лес, а Тома – на рыболовный траулер. Учатся жизни, и через некоторое время они встречаются и начинаются их новые приключения.

Сергей Устюгов

Тревожная командировка 2

Во второй части "Тревожная командировка-2" продолжают приключения героя Серого. Теперь он совсем в других условиях. Герой живет в лесу, а Тома находится на рыболовном траулере. Оба героя попадают в незнакомую среду, в которой им приходится выживать.

Автор сам ходил в море на рыболовном траулере. Знает морскую жизнь изнутри. Знает как тяжело в море женщинам.

Я проходил мимо избышки. Она как будто выросла вместе с лесом. Крыша раньше была покрыта тонкими бревнами, а сверху досками. Сейчас она была почти вся покрыта мхом. Казалось, откроется дверь и выйдет какой-нибудь старик лесовик и погрозит мне пальцем. Я даже остановился на секунду. Волшебный лес, волшебная избышка ...

Я отвернулся и хотел идти дальше. Сзади раздался шум. Я обернулся и ... остолбенел ... из-за угла избы вывернул медведь. Я не отличаюсь особой быстротой в обычной жизни, но здесь я не понял, как оказался на крыше дома. И оттуда уже, держась за конек, смотрел вниз.

Ничего у меня перед смертью не мелькало в голове. Вот ощущение нереальности было. Казалось, что все происходит не с мной. Даже тело ощущалось каким-то чужим. На мгновение я постарался почувствовать свое тело. Был комок мышц, судорожно цепляющихся за крышу. Странно еще что дрожь не было. Наверно если бы была дрожь, то я бы просто свалился.

Медведь остановился и встал в полный рост. Я впервые в жизни заглянул в медвежьи глаза. Я ожидал увидеть звериную ярость, но увидел любопытство. Я удивился, но в следующую секунду мне стало не до того. Я подумал, а сколько я могу сидеть на крыше, и чего мне ждать.

Я взобрался выше и сел на конек. Получилось. Медведь так же продолжал наблюдать за мной. Мне показалось что у него есть разум, не уступающий моему.

Медведь обошел по кругу избышку. И снова уставился на меня. Мы оба ждали. Я ждал, что он либо уйдет, либо нападет? А он чего ждал?

Вот он поднялся на задние ноги и подошел к избышке. Толкнул ее так, что я чуть не покатился кубарем с крыши. Потом снова отошел.

Время шло. Он ходил вправо и влево, время от времени поглядывая наверх. Э-х! Конец мне видно пришел. Мало я покоптил белый свет. Многого еще я не успел в этой жизни. Все эти мысли не то, что промелькнули в моей голове, они пролетели со скоростью пули.

Мне захотелось молиться, и я начал вспоминать молитвы. Ничего не вспомнил, и стал как мог просить Бога о помощи. Медведь внизу видимо принял решение. Он крутанулся вокруг себя и опять задрал голову на меня. В его взгляде я прочел приговор.

– Будет, будет! – раздался голос. Из кустов вышел старик. Он глянул на меня, потом на медведя и улыбнулся. – Ты, паря, в штаны не навалил?

А что я мог сказать. Я был во власти этого ненормального и его питомца.

– Струхнул ты, паря, – старик улыбался сквозь свою густую бороду, – ладно спускайся. Не тронет он тебя!

Я бы поверил деду, если бы это была собака. Я помотал головой. Старик беззлобно засмеялся.

– Ладно, уведу я сейчас Михайла Потапыча. Вот и он что-то переживает. От тебя городом пахнет, нехорошими людьми. Он и волнуется.

Я сидел на крыше и смотрел. Старик зашел в дом и вынес кусок хлеба. Потом он пошел в северную сторону леса. Михайло Потапыч поднял голову посмотрел на меня и качнул головой справа налево. И поплелся за стариком. Я подождал еще немного и стал думать, как

спускаться. Оказалось, что спуститься было намного труднее, чем взобраться на крышу.

Я полез в сторону края. И вот уже, цепляясь за доски, висел, болтая ногами. Прыгать было довольно высоко, я же не знал, что там внизу. Но и держаться долго не мог. Я попытался подтянуться, но пальцы мои сорвались с края доски, она уже от времени подгнила и потому край ее обломился. И, конечно, я полетел вниз. Приземлился и тут же вскочил. Хотел забежать в дом, вдруг медведь вернется. Но не тут-то было. Нога моя подвернулась, и я рухнул на землю.

Ну откуда я мог знать, что вокруг избушки много корней прямо на поверхности земли. Вот на один такой корень я и угодил. И то ли сломал, то ли подвернул ногу.

Я, преодолевая боль, пополз в избушку. Сейчас, я при всем желании не мог сбежать от медведя. Страх в какой-то мере обезболивал мне ногу, и придавал силы. Через несколько секунд я был в избушке. Сидел на лавке и заглядывал в окно. Никого.

Мне-то что делать? Уйти отсюда я не могу. И остаться тоже. Вот безвыходное положение.

Я сидел и размышлял, как я уползу к себе в убежище. И что у меня с ногой? Перелом или вывих? А может растяжение? Мы проходили первую помощь при различных ранениях. Но для этого надо было определить, что конкретно случилось.

Вдруг открылась дверь и вошел бородатый старик. Он грозно посмотрел на меня. Я смотрел на него и молчал. А что говорить?

– И чего ты сидишь? Почему не ушел? – старик сел на лавку напротив и уставился на меня.

– Да, я, вот! Ногу повредил, когда слазил с крыши.

– И чего ты там делал? – словно издевался старик.

– Спасался от твоего медведя, – ответил я.

– Да он тебя и не тронул бы. Может быть, – продолжал издеваться старик.

Мне это стало надоедать, и я попытался встать. Когда я оперся на больную ногу, то застонал и навалился на стену. Было больно, но я все равно продвигался к выходу.

Старик наблюдал за мной и молчал. Когда я стал перешагивать через порог, то упал наружу. Я не ждал сочувствия от старика, но и его откровенного смеха тоже не ожидал. Как же быстро человек переходит от обиды к злости.

Я сжал зубы и пополз дальше. В голеностопном суставе пульсировала боль. Я торопился, не хватало выключиться прямо здесь. Я почему-то подумал: а если старик решит меня скормить медведю. А что? Почему бы и нет.

Я еще раз попытался встать на ноги. Для этого я стал цепляться за бревна. И вдруг толчок сзади меня уронил вперед. Я ударился лбом о землю и потерял сознание.

Очнулся я от боли. Кто-то разминал мою ногу. Я лежал на лавке. Рядом на табуретке сидел старик и занимался моей ногой. Я заскрипел зубами и потом не выдержав, заругался.

– А вот этого не надо, паря. Ругаться здесь нельзя. Будешь наказан, – старик продолжал возиться с моей ногой.

– А что с ногой? – спросил я его.

– До неба заживет. Растянул ты жилки. Сильно растянул. Да еще вывих у тебя, – ответил старик.

– И что мне делать?

– Да тебе-то ничего. А вот мне – не знаю. Не нужен ты мне. Да и в деревне не нужен. А может быть ты никому на Земле не нужен? – сказал задумчиво старик.

Мне стало страшно. Неужели я отсюда не выберусь. Так и сгину в этом краю. А родители, а Тома?

Старик намазал мою ногу какой-то мазью и сказал не шевелиться некоторое время. Мне оставалось только подчиняться.

Прошло минут десять. Боль в ноге вроде бы стала успокаиваться. И странно мне тоже стало легче.

Старик ушел на улицу, через минуты две вернулся, подошел ко мне, протянул мне палку, и сказал: – а это, паря, вставь в рот, да зубами прикуси. Я послушал его.

Потом старик встал у моих ног и начал опять разминать больную ногу. Я сначала напрягся, потом немного расслабился. И в этот момент старик дернул мою стопу. Сказать, что я закричал в голос, значит ничего не сказать. Хорошо, что во рту была палка, которую я чуть не прокусил насквозь.

После этого старик сел на табуретку и начал снова разминать стопу. Я все еще был в шоке. Кстати, разминание было уже не такое острое и болезненное, как рывок.

Старик продолжал свое дело и ворчал: – навязался на мою голову. И что с ним делать? Опять же Михайло Потапыч указал на него. И что? Я должен возиться с ним?

Я лежал и молчал. Вспоминал, как я сюда попал. Еще недавно на меня накатывались такие житейские цунами, которые я не испытал за всю предыдущую жизнь. Да и думаю родители мои тоже не испытали.

Я поменял работу, был на стройке электромонтажником. Сначала я поехал на обучение. Кстати, зарплату обещали очень большую, только нужно было ездить по командировкам. Когда закончил курс, нашу группу направили на задание.

Так я оказался на Урале в маленькой деревушке. Там наша группа получила задание найти пару, мужчину и женщину, захватить их, доставить на базу. Там я и узнал, что наша командировка – это путешествие в прошлое, в начало восьмидесятых.

Потом получилось так, что я остался с напарником девушкой, и нам дали задание захватить женщину. Что мы и проделали, затем мы везли ее через всю страну. Нашли мы эту женщину на Дальнем Востоке. И вот в поездке я постепенно узнавал нашу пленницу, и постепенно начинал понимать, что меня просто используют, и цели у нашей организации не совсем моральные.

Эта женщина оказалась оракулом, потому за ней и охотились. Но оракул она была не в плане предсказаний, а в том, что она видела у человека его запреты. Не у каждого видела, а у кого есть ярко выраженные способности. И если человек нарушал эти запреты, то жизнь его была довольно короткой. Вот поэтому сильные мира и хотели узнать свои запреты.

Конечно, за женщиной охотились. Мы со своей напарницей охраняли ее. И пока везли ее на базу на Урал, на нас несколько раз нападали. Приходилось отбиваться, скрываться. Даже применяли специальные химические вещества, но что тут поделаешь.

В конце нашего путешествия на базу, где я должен был сдать оракула, а ее должны были отправить в будущее, она мне рассказала истинное положение дел. Оказалось, что она с Большого мира, а мы находились в Малом мире, по-простому в параллельном. Я решил, что не буду никому отдавать оракула и задумал спрятать ее. Переждать, пока все уляжется. Да и сам хотел тоже скрыться на время.

Когда мы прибыли на Урал, я спрятал оракула и попытался вести переговоры. Мне хотелось узнать больше информации. Конечно, я стремился домой, но я понимал, что скрывая оракула, становлюсь вне закона и на меня может начаться охота. Что и произошло.

Оракула мне было, конечно, жалко. Она мне нравилась, хотя я не решился проявить свои чувства. Так мы и расстались. Мне на мгновение показалось при прощании, что и она ко мне равнодушна. Но поговорить я не успел, не до того было.

После того как я спрятал оракула, я поехал к знакомой бабушке на Дальний Восток, и она подсказала мне как исчезнуть на время. Она дала примерный адрес деревни староверов, которая находилась в Сибири. У них должен был жить ее знакомый. Вот к нему я и должен был обратиться.

Она говорила, что люди там живут обособленно. И почти не общаются с внешним миром. Там нет электричества, нет магазина, нет школы, ничего нет. К ним почти никто не ездит, потому что добираться до них очень трудно, только по реке. И то довольно далеко от цивилизации.

Меня все это устраивало. Мне нужно было скрыться на время. Я хотел отдохнуть от последних событий и разобраться в себе. Я хотел понять, что же я все-таки хочу в жизни.

Я доехал до небольшого городка, от него добрался до поселка, который был расположен на Енисее. Там договорился с одним мужичком-охотником, который доставлял в свой охотничий домик припасы, чтобы он довез меня до деревни староверов. Все это я проделал по возможности очень скрытно. Я понимал, что за мной тоже идет охота.

Мне охотник говорил, что староверы скорее всего прогонят. Они не возьмут никого чужого. Сказал, что на обратном пути заедет за мной.

Я выскочил из лодки, рассчитался с охотником, забрал рюкзак и пошагал в сторону деревни. Я дошел до начала и остановился у огородов. Стал решать куда идти. Мимо проходил молодой парень примерно моих лет. Я обратился к нему. Хотел узнать, где старший по деревне. Он спросил зачем мне. Я по-честному рассказал, что хочу спросить разрешения остаться в деревне на зиму. Парень задумался, и сказал, что мне никто не разрешит. Зачем им проблемы. Я все-таки стал настаивать. Тогда парень проводил меня к дому старшего.

Он оставил меня стоять у ворот, сам же вошел в дом и видимо передал мою просьбу. Через минут пять вышел коренастый мужчина с седой бородой. Он подошел ко мне и с расстояния двух метров, спросил: – что тебе нужно? Я сделал шаг навстречу, но дядька, сказал: стой! Не подходи! Говори!

Я начал говорить. Начал объяснять, что мне некуда идти, что у меня нет документов, что мне всего лишь до весны, там я уйду.

Дядька оборвал меня. Он резко сказал, – а нам зачем твои проблемы? Может ты убийца? Может тебя ищут?

Я попытался убедить его, что никакой я не убийца, что мне всего лишь до весны ... Наконец, сказал последний аргумент, что я к Никифору Майскому. К нему меня послала бабушка с Дальнего Востока.

Бородатый дядька сказал, – ваш Никифор третью зиму, как помер. Чтобы через три дня тебя возле деревни не было. Потом он развернулся и ушел.

Я спохватился – надо было предложить денег старшему, и тут же понял, что если бы предложил, то он меня выгнал бы прямо сегодня.

Вот так. И что мне было делать?

Я пошел обратно к реке. По пути меня догнал тот парень, которого я встретил. Новых людей в деревне практически не бывает, вот ему интересно и было. Мы с ним поговорили, он меня спрашивал о Большой земле. Я как мог рассказал ему. В свою очередь он сказал, что в лесу живет отшельник. Может быть мне к нему податься. Этот отшельник жил раньше в

деревне, потом он из-за чего-то поссорился со старшими и ушел в лес. И вот уже три года живет один.

Делать нечего я собрался и пошел к старику. Он меня не взял к себе. Но это понятно. Кто я такой, чтобы он мог доверять мне.

Пока я не сильно отчаивался. Наверно, за время приключений, которые за эти месяцы произошли со мной, перевернулась во мне логика жизни, что ли. Теперь я любое препятствие внутренне считаю задачей, которую надо решить. Решить в любом случае, а как получится, неважно. Словно родилась или проснулась во мне та часть сознания, которая отвечает за принятие препятствий и за их преодоление.

Я устроился недалеко от старика. Примерно километрах в четырех я нашел небольшую пещерку, неудобную, но делать было нечего. Я начал обустриваться. Сначала лопаткой почистил пол, потом постарался, насколько получалось, расширить стены. А после нарубил жердей и начал закрывать входное отверстие.

Я постарался найти такую пещерку, которую бы не было видно со стороны. Мои поиски увенчались успехом. Правда добираться до нее было неудобно. Но я посчитал, что так будет лучше. Меньше буду привлекать внимание.

Тропинку к ней я сделал сзади. Чтобы добраться до входа, приходилось огибать скалы, пробираться между камней, залезать на большой валун. Вот за ним был кустарник, через который надо было пролезть. И через десять метров была пещера.

Когда я раз пять слазил туда и обратно, я понял, что в пещере буду только спать. Чтобы занести воду в пещеру, приходилось изворачиваться, залезать, цепляясь за выбоины в камнях. Я пролил воду и разбил стеклянную банку, которые были здесь в дефиците. Не было в это время еще пластиковых бутылок.

Первую ночь я спал так, как ни спал давно. Может быть свежий воздух, может понимание того, что я снял с себя всякую ответственность, способствовали тому, что даже на твердой земле, на ветках кустарников, я спал, как младенец.

Первые две недели я старался благоустроить свое жилье. Нужно было подумать о туалете. О том как я будут жить здесь зимой. Как защититься от зверей. И еще множество деталей, о которых не думаешь, когда живешь в цивилизации.

Основное, что меня волновало, это даже не связь с миром. Меня заботила зима. Как я буду выживать. Дело в том, что пещера была в скалах. И хотя сверху и сбоку были многометровые слои камня и земли, я все равно опасался за свою жизнь.

Для того чтобы выжить зимой нужна печь и большое количество дров. Но ни того ни другого у меня не было. А жить как тибетские монахи, которые выживают в своих пещерах и жилищах при минус двадцать пять, я не умел. Да и навряд ли бы научился.

Я задумался о маскировке. Как ни старайся, но все равно староверы узнают. А вот выдадут меня они или нет, это большой вопрос. Придется идти к ним на поклон и пробовать договориться с ними.

Как я буду объяснять свое присутствие здесь, даже не знаю. А зачем я им нужен со своей тайной. Им проще выгнать меня, и все. Нет человека, нет проблемы.

Я жил в пещере уже неделю и не мог решить, что же мне делать. Конечно, это идеальное место для меня. Здесь искать не будут, вероятность поиска очень мала. Но мне здесь зимой не выжить.

Старик отшельник отказал мне, старший деревни, тот вообще выгнал. Куда же мне деваться? Сначала надо выбраться отсюда, что сделать не так легко, потом искать другое

убежище.

Когда я обдумал все, то решил уехать отсюда. Завтра должен был проезжать по реке охотник, вот к нему я и хотел попасть. Я прибрал пещерку, может кому еще пригодится, и выбравшись из кустов, зашагал к деревне.

Путь мой пролегал мимо избушки старика отшельника. Вот там я встретил не только отшельника, но и медведя.

Как будет дальше, я совершенно не представлял. Охотник меня не дождался, уплыл. В деревне я не нужен, старик скоро выгонит меня. Голова идет кругом.

Длинное деревянное здание Базы океанического рыболовства было недавно покрашено. Но то ли маляры были неквалифицированные, то ли краска плохая, контора смотрелась простым бараклом, который вот-вот и снесут.

Тома подошла к крыльцу, покосилась на нескольких мужчин, которые курили возле урны. Они заинтересованно посмотрели на нее. Было впечатление, что давно не видели женщин. Уже в конторе она поняла – действительно не видели давно. Может быть, только из рейса пришли, вот и кажется любая женщина королевой. Хотя она старалась не выделяться, но наверно походка, осанка заставляли обращать на нее внимание.

В конторе было прохладно и пусто. Тома вошла в отдел кадров и взяла направление на медкомиссию. Женщина в возрасте посмотрела на нее и сказала: первый раз в море? Тяжело тебе придется.

Тома не поняла ее. Она работы не боялась. Выдержит полгода. Она ничем не хуже других. Медкомиссию прошла быстро. Уже на следующий день она съехала с “бичхолла”, так называли здесь общежитие для отпускников, ожидающих направления на судно, новеньких. Да и хорошо, а то каждый вечер музыка во всю громкость и пьяные шатания по коридорам молодых людей. Ее приняли на работу и завтра она должна была получить направление на траулер. Кажется, все пока идет нормально.

Тома старалась не ходить по городу. Незачем лишний раз светиться. Быстрее бы в море, там будет спокойнее.

Направление дали на траулер “Капитан Иванов”. Он заканчивал ремонт в доке и должен был уйти в рейс через две недели. Тома доехала до площади и вышла. Она дошла до ее конца и направилась по улице к выходу на судоремонтный завод. Там спустилась по длинной лестнице с холма, его называли Сапун гора и подошла к проходной. Там она подала направление и паспорт. Выписали пропуск, и она вошла через проходную на завод.

Тома шла по заводу, где ремонтировались суда. Там были рыболовные траулеры, рефрижераторы, сухогрузы, даже стоял военный корабль. Когда она подходила к пирсу, звуки команд неслись со всех сторон.

– Старпому зайти на мостик, – слышалось с одного траулера.

– Швартовой команде собраться на баке, – слышалось с другой стороны.

И над всеми судами высились портовые краны. Они словно огромные аисты что-то загружали, разгружали. Рабочий день был в самом разгаре. Ветер доносил запахи краски. Туда-сюда сновали электрокары.

Тома спросила, где находится “Капитан Иванов”, ей показали, и она пошла в ту сторону.

Рыболовный траулер оказался в доке. Огромное сооружение похожее на большую ванну, только без боковых стенок вмещало траулер. Он стоял на деревянных подставках шпалах, сложенных особым образом. Тома удивилась такая махина и на таких с виду ненадежных подставках.

Она подошла к лестнице и посмотрела вверх. Ступеньки были металлические и плоские. Она стала подниматься вверх и держалась за поручень. На траулер можно было попасть только так. Сбоку рабочие занимались покраской борта судна. Шипели

компрессоры, долбили каким-то механизмом палубу.

Тома немного растерялась от шума. Да и подъем был тяжеловат. Приходилось держаться за ограждение, чтобы ненароком не соскользнуть вниз. С собой у нее была небольшая сумка. Остальные вещи остались у знакомой в "бичхолле".

С борта дока был трап, перекинутый на палубу траулера. Тома поднялась на борт судна и спросила молодого человека, где находится старший помощник. Потом сдала старшему документы и пошла искать свою каюту. Немного потерялась в коридорах, но ей подсказали куда идти.

В каюте на диване спала женщина в цветастом халате. Светлые, явно крашенные волосы рассыпались по подушке. Она услышала звук открываемой двери, поднялась с койки и протянула руку, – Вера! Тома в свою очередь тоже представилась.

Вера показала на нижнюю койку. Вот здесь будешь спать. А я наверху. Мне там больше нравится. Она быстро перекидала свои вещи наверх и показала рукой на стул.

Вера оказалась уборщицей на судне. Она была навеселе. Тома села на стул и огляделась. Каюта была небольшая две койки, одна над другой, небольшой диванчик, стол, привинченный к полу и стул. Да еще два иллюминатора, сейчас открытые. В каюте стоял запах коньяка и лимона.

Вера мотнула головой – располагайся и залезла на свою койку. Тома положила сумку на койку и вышла. Надо было идти в столовую. Там было место ее работы. Она устроилась посудомойщицей. Также в ее обязанности входила чистота на кухне, в столовой. Она должна была помогать повару чистить овощи, готовить морякам чай, и так далее.

Сейчас на кухне не было никого. Тома села и стала ждать повара. Он появился через пятнадцать минут, нервный и злой.

– Скоты! Ничего по нормальному сделать не могут! Опять банку сока разбили!

Повар, мужчина лет тридцати пяти, худой, высокий, темноволосый посмотрел на Тому и буркнул: – что хотели?

Тома представилась. И неожиданно этот угрюмый мужчина расцвел в улыбке.

– Наконец-то! А то все одному приходится делать. Сколько раз просил ... сказал он.

Мужчина протянул руку и поздоровался. Потом начал говорить об обязанностях. Тома слушала и думала. Никак она не ожидала, что попадет на рыболовный траулер. Он весь пах рыбой. Скорее всего запах идет оттуда, снизу, с фабрики обработки рыбы, как ей объяснил повар.

В первый день Тома помыла всю посуду, почистила котлы, помыла пол на кухне, в столовой. Вечером соседка Вера заставила Тому выпить немного коньяка. А после пошел разговор за жизнь.

Вера жаловалась на мужиков, какие они козлы. Потом рассказала, что оставила дочку маме и вот уже почти полгода не видела ее. А скоро в рейс, еще полгода не увидит.

В конце концов Вера надоела, и Тома отговорившись недомоганием, легла на койку и задернула шторку.

С утра Тома выставила чай в чайниках на столы, убрала и помыла посуду после завтрака. Потом повар отправил Тому принимать товар. Завезли консервацию, и она стала считать коробки с тушенкой, сгущенкой, компотами. Поймала одного молодого парня, который хотел ящик со сгущенкой занести к себе в каюту. Тот чуть на колени не упал перед Томой. Стал уговаривать, чтобы пожалела его, никому не говорила, иначе его спишут с судна. Тома предупредила его, жаловаться повару не стала.

Шло время и Тома постепенно привыкала. Она познакомилась с остальными женщинами. Одну звали Ольгой, она была буфетчицей, накрывала в кают-компании на стол. Вторую Любаней, крепкой бедрастой девушкой. Она была прачкой, и откровенно говорила, что пришла сюда за мужем.

Непривычно было то, что моряки были часто пьяны. Оправдывались тем, что скоро судно должно идти в рейс почти на полгода. Днем еще ничего, начальство ходило проверяло, а вечером оставался один вахтенный.

Экипаж идет в магазин и набирает спиртного. Правда до магазина идти далеко. Нужно выйти с территории завода и подняться по высокой лестнице, которая идет на высокий холм. Дело в том, что город находился на сопке, а судоремонтный завод находился внизу.

В первые дни Тома закрывалась в каюте, она опасалась пьяных моряков. Но соседка Вера сказала, – не бойся! Здесь не тронут. Они еще не голодные. У всех есть подруги, да и б.... хватает, а у кого и жена дома.

Много моряков было женатых. Они ходили в море на заработки. Кому нужна было кооперативная квартира, кому машина, а кто-то хотел съездить с семьей на море. На самом деле к Томе никто не приставал. Было все как-то тихо и скромно.

Тома понемногу привыкала к распорядку дня. Она не считала свою работу тяжелой. Еще оставалось свободное время. Она сходила два раза в кинотеатр. Прогулялась по городу. Купила кое-что из одежды и белья. Зашла даже в книжный магазин и взяла несколько книг. По совету Веры приобрела маленький переносной черно-белый телевизор. Вера все знала, она сказала, что судно идет в район Японии, там будет ловить рыбу. Поэтому Тома увидит, как живут японцы. В районе лова хорошо принимается японское телевидение.

Через десять дней, ночью траулер вывели из дока, и он встал на якорь на рейде. Три дня должны были проходить ходовые испытания. В доке ремонтировали двигатель на судне, и его должны были проверить. В город утром и вечером ходил бот, это шлюпка с мотором.

После ходовых испытаний, траулер направился в Лососину, это район города. И стал там у пирса. Там должен был загрузиться тралом, остальными продуктами и другими материалами.

Тома удивлялась зачем моряки тащили тяжелые чемоданы на судно. Неужели столько одежды надо на рейс? Оказалось, все проще. Они запасались водкой. Каждый загрузил рундук под койкой двумя ящиками водки. Все это ей объясняла Вера.

За неделю до отхода появились остальные члены экипажа. Кто приехал из отпуска, кого приняли вновь, кто-то перевелся с другого судна.

Костя повар крутился на работе, да и Томе доставалось. Нужно было забить кладовую продуктами. Посчитать все, уложить, съездить на базу, получить. Отчитаться. Да и еще следить за ребятами, которые носили продукты в кладовые. Они норовили что-нибудь стянуть по пути.

За три дня до отхода всех заставили пройти венеролога. Хоть таким способом начальство хотело обезопасить себя от нехороших болезней.

И вот наконец настал день отхода. К вечеру забрали у всех паспорта. Запретили сход на берег. И к восьми часам всех загнали в столовую. Все конечно не вошли. Но остальных постепенно вытаскивали из кают и прогоняли через столовую.

В столовой было два входа. У одного сидели за столом старпом и представитель пограничников, молодой капитан в форме.

Старпом встал и объяснил, что сейчас пограничники проверяют все судно. Нет ли кого-

то кто не имеет право находиться здесь. Пусть немедленно покинут судно. Пока пограничники занимаются этим, офицер будет проверять внешность моряков на соответствие с паспортом.

Томе показалось что в столовой были все пьяные. Во всяком случае вокруг нее дышать было очень тяжело.

Первыми вызвали женщин. Когда называли фамилию, нужно было встать и назвать свое имя отчество. Все четыре женщины назвали себя и прошли в дверь, которая находилась за старпомом и пограничником. Офицер внимательно посмотрел на каждую и сверил с фото на паспорте.

Тома с Верой прошли в свою каюту. Скоро начнется, – сказала Вера.

– Что начнется?

– Увидишь сама, – сказала Вера.

Тем временем в столовой продолжалась проверка. Капитан пограничник называл фамилию, и кто-то вставал и нетвердыми шагами двигался по столовой. Некоторые еле шли. Они мутными глазами смотрели на начальство, что-то бормотали и проходили в двери.

Сейчас никого нельзя было заменить. Сегодня судно уходило в рейс. Списки экипажа составлены, подписаны. Все согласовано с пограничниками, и ничего с пьяным экипажем поделаться было нельзя.

Наконец проверка закончилась, пограничники покинул судно и началось ... Вера ходила в море не первый год и все это видела много раз. На рыболовном траулере началась пьянка. Во всех каютах доставали вино, водку, закуску. Пьяная швартовая команда кое-как забрала канаты, и судно медленно стало отходить от пирса. На нем везде горели огни, по громкой связи по всем динамикам звучала музыка. И во всех каютах пили, закусывали, орали песни и поздравляли друг друга с началом рейса.

В каюте Веры и Тома из динамиков пел Высоцкий, – корабли постоят, и лягутся на курс, но они возвращаются сквозь непогоды. Не пройдет и полгода – и я появлюсь, чтобы снова уйти ...

Вера налила себе и Томе вина из бутылки, на которой была наклейка Томянка. Они чокнулись и выпили. Настроение было немного грустное и одновременно радостное. Что-то новое ждало Тому, что-то интересное.

А траулер тем временем тащил буксир подальше от пирса. Звучало Прощание славянки. Весь рыболовный траулер был пьян. Даже рулевой, которые смотрел вперед, и то выпил две стопки водки.

По всем палубам по всем проходам мотались пьяные матросы. В рефке, где стояли рефрижераторные установки спал машинист, ему уже хватило. В моторном отделении вовсю продолжалось застолье. Чумазные мотористы пили водку с пивом.

В дверь постучали. Вера сказала, – тихо, молчи. Сейчас они уйдут. Но стук продолжался.

– Началось, – сказала Вера и пошла к двери. Из-за нее донеслось, – девушки откройте.

– Я тебе открою. Я тебе час открою, сука! Так открою, что кувыркаться будешь по трапу до самого низа!

За дверью помолчали, потом трезвым голосом сказали, – девушки не бойтесь, это я Костя, повар. Я трезвый.

Тогда Вера открыла дверь и впустила Костю. Он вошел и закрыл за собой дверь на ключ.

– Можно сесть?

– Садись. Чего хотел, – грубо спросила Вера.

– Я вот чего девчонки, пришел. У меня в кладовой есть два ящика коньяка. Это для тортов и выпечки. И ребята знают об этом. Они же и заносили эти два ящика. Один ящик кэпа, а другой в столовую. Так вот нельзя ли временно сохранить их у вас? Я буквально завтра, пока все будут спать, перепрячу.

– Что ж ты раньше не подумал? – спросила Вера.

– Веруня, понимаешь закрутился и забыл совсем. Ну так что ...

Вера посмотрела на повара и махнула рукой, – с тебя бутылка, в Новый год!

Костя кивнули пошел к дверям. Через пять минут он притащил один ящик.

– Вроде бы не видел никто. А если будут спрашивать, скажу кэп забрал.

Девушки помогли Косте затолкать бутылки в ящики под койками и сели отдохнуть.

Между тем праздник на судне продолжался. Люди пили, пели и ели. Кто-то обнимался, признавался в уважении к собеседнику. Где-то назревал конфликт. Но драк пока не было.

Время было одиннадцать часов вечера. Буксир вытянул большой рыболовный траулер подальше от берега, на середину бухты и наконец оставил траулер, и тот собственным ходом направился к выходу из залива. На палубах было много моряков. Они пели песни, пили вино и водку, махали городу, который оставляли на пять-шесть месяцев рейса.

Прошло время и огни города исчезли, судно вышло в море. Но веселье еще продолжалось. Только к утру все успокоилось. Те, кто похитрее, попрятали на будущие праздники спиртное, которое потом и сами не могли найти. Забыли куда спрятали.

Тома тоже уснула под утро. А через два часа надо было вставать. Готовить завтрак. В столовую тянулись моряки с помятыми лицами. Пили горячий чай и вяло обсуждали отход. Тома сделала свои дела и пошла в каюту. Там сидела и маялась Вера. Вчера она перебрала и даже кому-то из моряков набила рожу. Она в пьяном виде говорила, что ненавидит мужиков, всех бы поубивала.

Сейчас она сидела и смотрела на остаток вина в бутылке. В каюту ввалился рефмашинист Володя. Рыжий, с чапаевскими усами, он увидел вино в бутылке и глаза его загорелись.

– Вера, ты же человек. Дай опохмелиться. Дай, не жалея.

Тома смотрела на все это и ей было жалко и Веру и Володю. Куда она попала! Неужели ей придется полгода смотреть на этих людей, терпеть их. Она, однако, вспомнила причину, по которой попала сюда и только вздохнула.

Если она вернется сейчас на берег, то вероятность того, что ее могут захватить и отправить туда, куда им будет нужно, сильно увеличивается. Дал же ей кто-то дар видеть у людей их ограничения. И вот они добиваются этого знания. Да знание-то ведь опасное. Ладно если про себя знаешь ограничения, запреты, а если ты знаешь запреты своего врага. То ты все сделаешь, чтобы он нарушил эти запреты. Вот такие дела!

Второй день продолжалась пьянка. Вахтенный штурман, конечно, следил за курсом, но и он был изрядно пьян. В машинном отделении на вахте стояли опытные механики и мотористы. Распоряжение капитана. Он понимал, что пить будут все, но рассчитывал на опыт старых моряков.

Пьяная Вера, размазывая слезы жаловалась на свою жизнь, на бывшего мужа козла. Она сказала Томе, что той придется выбрать себе мужика на рейс. По-другому никак. Иначе нельзя. Такой закон. Возможно, она преувеличивала, но Тома все равно задумалась – как ей быть. Никого она не хотела. Вера сказала, что тогда за Тому будут биться мужики. Она захохотала, – как бараны будут за тебя биться.

Прошла неделя. Я уже ходил, немного прихрамывая. Внутренне готовился к тому, что придется отсюда уйти. Обдумывал, как я буду добираться до поселка, придется договариваться с деревенскими по поводу лодки.

Старик однажды зашел в избушку и сказал:

– Парень, не хотел я тебя здесь видеть. Но Хозяин решил. Так что ты остаешься. Правда ненадолго. Вот станет лед и уйдешь с деревенскими по льду. Они повезут товар на продажу и тебя захватят. А пока ты будешь отрабатывать свое проживание здесь.

– У меня есть деньги, – обиженно сказал я.

– Что твои деньги. Они здесь ничего не значат. Здесь только обмен. Или чем-то или делами, трудом, – старик немного разговорился.

– Ты что умеешь делать?

Я задумался. То, что я электромонтажник, здесь совсем не пригодится. У них в деревне не было электричества. Еще что? То, что спортивный, ну и что? Это не поможет, к примеру, на лошади ездить, или охотиться. Хотя кто его знает?

Старик видел, что я задумался, и сказал, вот что: ты будешь мне готовить лекарства. Я тебе скажу, что делать и ты начнешь.

Старик притащил мне камень с глубокой выемкой, дал пестик для растирания, положил рядом какую-то крупу и приказал растолочь. Я попробовал. Крупа было твердая и плохо поддавалась моим усилиям. Но все равно я продолжил. Мне надо было здесь остаться подольше, и я старался понравиться старику. Или по крайней мере быть ему нужным.

Приближалась осень, еще немного и листья облетят, станет голо и тихо. Лес будет готовиться к зиме, к долгому, долгому сну.

Старик, как всегда, ушел в лес. Я остался на хозяйстве. Все как обычно, но сегодня что-то тревожило меня. Беспокойство владело мной. Вроде бы все нормально, запасы на зиму делаются, все здоровы, но ощущение потери не оставляло меня.

Вокруг избушки начал летать поползень. Маленькая птичка чуть не атаковала меня. Если я шел за водой, она летела впереди меня и часто оглядывалась. Совсем как собака. Я принес воды, поставил в избе и вышел. Поползень тут как тут. Вьется над моей головой.

Старика долго не было. Обычно он приходил после обеда, и мы садились за стол. Я забеспокоился. Все-таки старый человек. Как бы чего не случилось. Я взял большой нож, похожий на мачете, крепкую суковатую палку и пошел в ту сторону, куда направился старик. Я примерно знал, где он может быть. Он должен был собирать траву на Змеином болотце. Один раз он меня брал туда. Там росла, как он говорил трава для лечения желудка и кишечника. Он заготавливал ее и потом лечил деревенских жителей.

Сразу же передо мной возник поползень. Он летел впереди, и как будто указывал дорогу. Я еще подумал, точно собака ведет меня.

Когда до болота оставалось километра полтора, оттуда донесся страшный крик. Я насторожился и замер. Птичка так и залетала вокруг. Дальше я двинулся очень осторожно. Не хватало на кого-то нарваться.

Больше криков не было. Я передвигался по тропе и поминутно останавливался и прислушивался. Пытался принюхиваться, но разве можно человеческий нюх сравнить со

звериным.

Наверно от напряжения тела, и психики, я начал видеть картинки. Я коснулся сосенки у тропинки, и серия образов вспыхнула передо мной.

По тропе шли два человека. Мужчины с небольшими бородами, в оборванной одежде. Они все время оглядывались. В руках они держали дубины. Путь они держали в сторону болота, туда куда и ушел мой старик.

Я вытащил из ножен мачете, в другой руке у меня была палка. Я был относительно вооружен. Но что же у них? Тем более их двое. Ладно на месте определюсь. Все равно старика надо выручать. Но, по-моему, это не он кричал.

Поползень все тянул меня вперед. Он кричал и летал вокруг меня.

Я приближался к тому месту, откуда примерно доносился крик. Я удвоил осторожность, присел и так на полусогнутых передвигался.

Скоро должен был быть поворот и там ручеек, через него переброшены два бревнышка из сосны. Мостик и потом метров через пятьдесят начинается болото.

Я старался ступать бесшумно, но время от времени попадались мелкие сухие ветки, они и трещали под моими ногами. Никак я не мог научиться ходить бесшумно. Мне все время казалось, что получается очень медленно, когда смотришь куда ступать ногой.

Издали я слышал, что кто-то возится у мостика. Кто-то пыхтит. Я сориентировался – ветер от мостика на меня, значит кто бы там ни был, он меня не должен учуять.

Вот и поворот. Я осторожно выглядываю из-за сосны и вижу медведя, того самого. Он переворачивает какие-то кучки тряпья и рычит при этом. Чуть поодаль лежит еще одна куча.

Что мне делать? Я понимаю, что произошла трагедия. Но с медведем я встречаться не хочу. Я стал ждать. И внутренне молил Бога, чтобы ветер не поменялся.

Птичка отстала от меня и сейчас кружилась около медведя. Тот переворачивал трупы, принюхивался и тащил их от ручья подальше. Поползень чуть не лез медведю в морду. Тот сначала отмахивался, потом заревел и встал на задние лапы. Мне показалось, что он меня заметил. Ничего я не успел сделать. Говорят, что мелькает перед концом у человека вся жизнь, но у меня ничего не мелькало.

Медведь отвернулся, опустил на четыре лапы, понюхал воздух и пошел влево от полянки.

Я еле перевел дух. Который раз уже подступала ко мне смерть, сколько было моментов, когда ее дыхание было у моей головы.

Я подождал, поползень к тому времени вернулся. Первым делом я подошел к двум неподвижно лежащим телам. Уже ближе я понял – это те мужики, это их я видел на тропинке. После медведя, думаю выжить невозможно. Тем более раны на их телах были такие, что страшно было смотреть.

Потом я двинулся к третьей куче. Я узнал старика. Сначала показалось, что он мертв. Но подойдя ближе, я заметил, как его грудь еле вздымается.

Я присел перед ним. На лице у него была рана, кто-то сильно ударил. Руки его были в крови. Я понял, что старик без сознания. Я начал действовать. Срубил несколько сосенок, связал их между собой, положил рядом со стариком. Потом аккуратно переложил его на эти сосенки. И посмотрев вокруг, потащил деда по тропинке.

Добрался до избушки я только к глубокому вечеру. Все-таки около трех километров было до болота. И старика я старался тащить так, чтобы не сильно беспокоить его. Он временами стонал, один раз я попоил его водой.

В избушке я его положил на лавку, зажег свечу. Поставил кипятиться чайник и стал думать, что дальше делать. Если идти в деревню к старшему, то неизвестно что будет. Не сильно старика уважали в деревне. Доктора здесь на сотни километров не найдешь. А старик, пожалуй, единственный лекарь на всю эту округу. Есть наверно какие-то еще бабушки, но где искать их.

– Подойди сюда, – раздался слабый голос.

Я повернулся к старику и быстро подошел.

– Завари мне травы... я скажу какие... да на лице рану смажь мазью ... она на полке слева в углу стоит ... да сначала воды согрей и промой раны, – старик еле говорил.

Я быстро согрел воды, промыл раны, потом достал мазь, обработал раны на лице и голове. Потом заварил травы и поставил остывать.

Старик то приходил в сознание, то снова терял его.

– Дай мне три ложки отвара и накрой меня накидкой, – вдруг сказал старик.

Я выполнил его просьбы. Старик закрыл глаза и готовился поспать. Но неожиданно он стал приподниматься. Я стал успокаивать его. Он снова лег.

– Знаешь что. Там Михайло Потапыч был ... если бы не он, то конец бы мне был. А тебя птица привела?

Я кивнул.

– Эти там лежат? – спросил старик.

– Да. Там. Их медведь поворочал и потом оставил.

– Послушай, парень завтра с утра... с самого пойдешь туда и зароешь их. Оттащи подальше и зарой. Обязательно. А сейчас переодень меня. И одежду эту кровяную, сожги. За ними скоро придут. Это зеки беглые. Их уже ищут и не надо чтобы наши. Да и тебя не надо чтобы видели. Там под нарами в углу отодвинешь доски и увидишь ход. Вот туда и залезешь, когда менты за ними придут.

Старик пока говорил все это, устал и замолк. Скоро он ровно задышал. Я решил, что переодену его утром. Пусть спит. Собрался попить чаю, но дед проснулся и сказал, – хватит чай гонять! Дела надо делать!

Я быстро переодел его. Покормил, дал ему выпить настой. Одежду его сунул в костер, который разжег около избушки.

Утром напоил деда настоем, есть он не стал. Взял лопату и пошел к Змеиному болоту.

Там на полянке я подхватил сначала одного бородатого мужика и утащил подальше от мостика, потом второго. Конечно, я обшарил их. Нашел два ножа. И еще мешочек из плотной ткани. Он был завязан шнурком. Когда я его развязал и раскрыл, я увидел золото. Самородки. Небольшие, но тяжелые. По весу граммов сто. Я снова завязал, оглянулся по сторонам, сунул в карман штанов.

Отошел метров двадцать и стал искать куда спрятать. Решил под корнями большой ели. Закопал, потом сориентировался по сторонам света и также по мостику. Запомнил место и вернулся к трупам.

Копал яму я быстро, правда приходилось временами обрубать корни. Выкопал примерно с полтора метра глубиной. Туда я и спустил обоих мужиков. Завалил землей, сверху положил дерн. Лишнюю землю раскидал по кустам. Хорошо бы посадить дерево. Я сходил выкопал пару молодых сосенок и посадил их на могилу беглых зеков. Читать над могилой я ничего не стал, просто ничего такого не знал. Просто ушел и все.

На полянке перед мостиком я все прибрал. Обрывки ткани собрал и закопал. Медвежьи

следы убирать не стал. Зачем.

Прошло два дня. Из деревни прибежал паренек. Хорошо я вовремя заметил его и спрятался. Парень покричал старика, и не получив ответа, постучался в избу. Дед слабым голосом ответил, – входи!

Парень вошел в избу и увидел лежащего деда. Он попросил разрешения сесть, дед кивнул, и парень примостился на краешек лавки. Я в это время был под нарами и видел только его ноги.

– Дедушка, там в деревню милицейские приехали. Ходят, ищут кого-то. Говорят, зеки опять сбежали. Знамо и к тебе придут. Меня послали предупредить. Чтобы ты опасался беглых.

– Хорошо, парень, спасибо. Иди обратно. Я буду осторожен.

Парень что-то положил на стол и вышел.

Я вылез из-под нар и сел на лавку. – И что мне делать, – спросил я.

– Ничего не делать. Как придут полезешь в подпол, там найдешь люк, откроешь и спустишься в ход. Там и переждешь, – старик глубоко вздохнул и попросил воды.

Милиция появилась часа через три. Затрещали сороки, и мы поняли – кто-то идет. Я быстро шмыгнул под нары, отодвинул доски, спустился в подпол, задвинул доски назад и нашел люк. Поднял его и спустился в земляной ход. Там замер. Было прохладно. Как это я не взял верхнюю одежду.

Что делается наверху было почти не слышно. Где-то бубнили голоса. Даже дошло до крика. Потом все успокоилось. Я сидел и ждал сигнала старика. Его все не было. Уснул он что ли?

Меня пробирала сильная дрожь. Я уже думал, что надо пробираться дальше по ходу и там выбираться, иначе тут замерзну совсем.

Наконец услышала стук палки сверху. Кое-как выбрался и сразу к печке. Меня колотило, зубы отбивали дробь.

Я быстро затопил печь, поставил чайник. И только после этого обратился к деду.

– Зачем они приходили? – спросил я.

При свете, который шел от печки, дед шурился и молчал. Однако, когда я снял кипящий чайник с печки и стал наливать себе у кружку, он заговорил: – мне тоже плесни, да настоя туда добавь. А себе сухой малины кинь щепотку в чай, неровен час заболеешь. Что с тобой делать тогда.

Через пять минут мы пили чай. По избе разносился аромат трав. По стенам бегали отблески огня. Казалось, что нет никакой цивилизации, только мы в целом мире и больше никого. И страшно и одновременно что-то мистическое было вокруг.

– Милицейские приходили. Сказали двое сбежали. Ищут их. И наказали если увижу, то непременно доложить им, – старик усмехнулся.

– Ты это, золотишко-то хорошо спрятал? Никто не найдет. Потом мне покажешь, где оно. Когда уходить будешь, долю получишь.

В темноте глаза старики сильно блестели. В них тоже плясали отблески огня. Я закивал. Потом налил еще чаю, хотел и старику, но он отказался.

Со стариком разговаривать было очень трудно. Если я спрашивал его о чем-то, он мог и не ответить, или ответить через полчаса, а то и через час. В свою очередь он требовал от меня почти мгновенного ответа. Такое у нас было общение.

Я только через несколько дней узнал, как происходила встреча старика и милицейских.

Они прибыли на лошадях. Пятеро молодых мужчин спешили и осторожно пошли к избе. У каждого в руке было оружие. Двое были с автоматами. Они вошли в избушку и обнаружили старика, который смотрел на них, опираясь на локоть.

Один из них быстро опустился на пол и стал светить фонариком под лавками и нарами. Потом поднялся и начал допрашивать деда. Они всегда себя так вели с деревенскими. Всегда считали, что те заодно с бандитами.

Дед говорил, что ничего не знает. Что лежит просто отдыхает. Милицейские обшарили все вокруг избушки в радиусе ста метров и ничего не обнаружили. Прощаясь, они предупредили, старика, чтобы был осторожен.

Потом дед рассказал, что бегут регулярно, примерно раз в два-три года и почти все пропадают в тайге. Здесь трудно выжить. А до людей далеко.

Лечение старика происходило долго. Полтора месяца я ухаживал за ним. И за это время мы не то, что сблизились, но отношение ко мне у него изменилось. Мягче, что ли стало.

За это время я заготовил дрова на зиму. Напил, настаскал, расколол и даже сложил в несколько поленниц. Так же поставил несколько ловушек, научил меня, конечно, дед, и поймал зверя. Накопил мяса, повесил его в лабаз, который был неподалеку. Запас множество трав с подсказки старика. Насобирали брусники, клюквы. Лазил на кедры, набил шишек. В общем становился лесным жителем.

Отросла борода. Как сейчас выгляжу я мог только представить, потому что зеркала не было. Старик очень многие вещи считал бесовскими. Они отвлекают человека от жизни. Забирают у него жизненные силы, говорил он.

Я много ходил, научился почти бесшумно передвигаться по лесу. Мне показалось, даже слух и нюх улучшились. За это время стал более ловким, и сильным. Пройти сейчас по лесу четыре-пять часов без отдыха казалось легко.

Заготавливал на зиму рыбу. У деда были морды, это такие корзины из прутьев. В них рыба заходила, а обратно не могла выйти. Еще у деда был порошок, рецепт которого он хранил в тайне.

Этот порошок надо было засыпать в какой-нибудь заводи, и тогда через два часа можно было идти собирать рыбу. Рыба засыпала и ее можно было собирать руками. Я таскал большую рыбу и коптил, и сушил ее, готовил на зиму.

Собирали грибы, солили их в кадлушке, потом придавливали сверху камнем и оставляли кадлушку под полом избушки.

Когда однажды я прикинул объем проделанной работы, то поразился. К тому же весь запас отличался большим количеством витаминов и минералов.

Дед иногда спал по несколько часов днем, и в это время приказывал его не трогать. Я в это время занимался своими делами. Научился даже работать иглой и нитками. Приходилось зашивать дыры в одежде. А однажды дед показал, как подшивать валенки. Скоро зима, говорил он, надо чтобы подошвы не сносились.

Я сучил нитки, смазывал их смолой и шилом, протыкал подошву валенка и притягивал ниткой к самому валенку. Получалось немного криво, но зато прочно. Я понимал, что зиму прохожу.

Как-то раз я вошел в избу и увидел, что дед читает какую-то книгу. Он быстро закрыл ее и сунул за спину. Наверно достал ее из большого, тяжелого сундука, что стоял у стены. И как его затаскивали в избушку.

– Чего смотришь? – грубо сказал дед.

Я пожал плечами, больно мне надо смотреть на него. Я делал свое. Решил прибраться в избе. Много мусора накопилось. Мы ходили, не снимая обувь, вот и нанесли грязи.

Я взял веник и стал осторожно, не поднимая пыль, подметать. Залез даже под нары, вытащил оттуда целую кучу мусора, потом сдвинул все это к печке и закинул в нее.

Все это время чувствовал на себе взгляд старика. И за что он ненавидит людей? Вроде бы я помогаю ему, лечу. Даже молчу и ничего не спрашиваю. Дед хранил свою тайну. Он никогда не рассказывал о себе. Кем он был, чем занимался раньше. Мне было понятно, что не всю жизнь он жил в лесу.

За всеми заботами совсем забывалась прежняя жизнь. Как там Тома? Где она? Чем занимается?

В район лова шли трое суток. За это время команда выпила все или почти все, и стала трезвой. Те, что похитрее спрятали запас водки. Володя рыжий, тот который заходил в каюту к Томе и Вере, поставил вместе ребятами из бригады добычи брагу в столитровой бочке и спрятал ее в своем рефотделении.

Новеньких моряков распределили. Кого в добычу, в бригаду, которая занималась забросом и подъемом трала, она ловила рыбу. Кого на фабрику, то есть в рыбоделочный цех, где пойманную рыбу обрабатывали.

Новенькие осваивали места работы, прибирали их. Слесари проверяли работоспособность механизмов.

Пролив между японскими островами Хонсю и Хоккайдо проходили около двенадцати ночи. В столовой кто-то настроил черно-белый телевизор, и моряки сидели смотрели японские новости, фильмы и рекламу. Удивительно было в восьмидесятых видеть рекламу на телевидении. Также исторические сериалы про самураев, серии которых тянулись годами. Так говорили старые моряки, что ходили в море давно. Это была заграница. Пусть и в виде телевизионного ящика. Никакого интернета, разумеется, не было. Все новости получали из радиоприемников, у кого они были. Наше телевидение не показывало. Потому, что далеко, все-таки судно было в районе Японии.

Хотя помполит и предупредил по громкой связи, чтобы никто не выходил на палубу, никто его не послушал. Тома была свободна и тоже вышла.

Теплый ветерок шевелил волосы, с обеих сторон судна горели береговые огни. Поселки или мелкие города светились гирляндами огней. Мимо проходили теплоходы, с них звучала японская эстрадная музыка.

А советское судно было подсвечено совсем немного. Наши моряки переговаривались, много было новеньких, они были впервые в море и во все глаза смотрели на японский берег.

Тома работала уже несколько дней. Вроде бы и несложная работа. Время свободное есть. Люди неплохие, никто не пристаёт. Да и Вера говорила, что здесь на судне не бывает гульбы. То есть ни одна женщина не позволяет себе встречаться с несколькими. Капитан если узнает об этом без всяких разговоров списывает с траулера. Ему не нужны проблемы на судне, глупые разборки мужчин из-за женщин.

Тома вспоминала слова Веры, о том, что придется выбирать. Она задумалась, а как же ей быть. Не хотелось встречаться просто из-за физиологии. Однако нужно что-то решать. Противно было отдаваться кому-то просто так, без симпатии, без любви. Что же делать?

Почему же мужчины такие практичные? И видят чаще всего в женщине только тело? Да и то на время. А потом могут отбросить в сторону и заняться своими, как они называют, мужскими делами.

Конечно, Тома могла дать отпор практически любому мужчине, подготовка позволяла сделать это. Но, раскрывать себя, показывать с опасной стороны она не хотела. Ей казалось, что можно пробыть весь шестимесячный рейс серой мышкой. Но в действительности всё могло быть иначе.

Тома отложила эти вопросы на потом, и ей казалось все идет нормально. Уже две недели в море. Пришли в район лова. Забрасывают трал, ловят рыбу, морозят ее. Все при

деле, конфликтов нет.

Первое столкновение было неожиданным.

Моряки на рыболовных судах, особенно на больших, всегда в рейс берут животных. Пожалуй, даже не берут, а они так и живут на судне.

Вот и на этом траулере, современном белом красавце, жили несколько кошек и собак. Еду им обычно приносили с кухни, да они и сами частенько навещали её. Для кошек рыболовецкий траулер, это что-то вроде кошачьего рая. Многие береговые кошки только мечтают о рыбе, а здесь целый траулер, насквозь пропахший рыбой.

Была на судне красавица кошка, сиамской породы. Грация гибкого тела удивительно сочеталась с ледяной независимостью ее чистых глаз. Неторопливая походка, изысканные манеры все говорило о ее знатном происхождении. К ней нельзя было просто подойти и погладить. Проявлять ласку в отношении себя она позволяла только избранным, и уж число их, конечно, было невелико.

Обедая в столовой, моряки невольно поворачивались в сторону по-королевски вышагивающей кошечки. Она, чувствуя взгляды, высоко поднимала голову и гордо шествовала мимо них. В конце прохода она милостиво оглядывалась и снисходительно благодарила за внимание.

Первое столкновение было в коридоре. Важная кошка сиамской породы шествовала по коридору. Тома вышла из кухни и направлялась к себе. В проходе они встретились. Аристократка кошка и Тома, женщина из другого мира. Возможно более развитого, чем этот.

Кошка посмотрела Томе прямо в глаза и села. Она ждала, что ей либо окажут почести, либо пропустят. Тома глядела в кошачьи глаза и видела, что та не уступит.

Так они стояли минуты две, потом впереди послышались шаги и Тома обошла сбоку кошку. А когда оглянулась, то увидела, что та тоже обернулась и торжествующе посмотрела на Тому.

Из-за поворота вышел рулевой. Он увидел кошку и сказал, – уже столкнулись? Она у нас царица. Все ей дорогу уступают. Никто с ней не хочет связываться. Вы же видели ее глаза. Запросто может кинуться на человека.

Тома пожалала плечами и пошла дальше. Вот же странные существа эти кошки. Они все считают себя выше человека. Только некоторые скрывают это. Ну ладно. Не хватало еще ссориться с кошкой. Будет она ей уступать путь, если ей так надо.

Второй случай произошел недели через две после выхода в рейс. Все постепенно втягивались в нелегкую работу. Тома ради интереса однажды спустилась на фабрику и посмотрела на работу моряков.

Сверху из трала выпускали вниз в бункера рыбу. Дальше она шла по конвейерам, которые располагались с обоих бортов судна, двигалась к ЛБашкам, это морозильные камеры, где рыба замораживалась в блоки. Дальше после заморозки, блоки поступали на площадку, где их по три штуки упаковывали в картонные ящики и после спускали в трюм. Там трюмный рабочий укладывал ящики в ряды. Там рыба ждала перегруза. В трюме было очень холодно, градусов двадцать восемь, а то и тридцать.

Также Тома посмотрела, как поднимают трал. Это такая огромная сеть, которой ловят рыбу. Лебедки натужно гудели, тросы вытягивали трал. Бригада бегала и что-то делала, все было четко и красиво. Обычно в бригаду добычи берут мало новеньких, потому что от матросов зависит, насколько хорошо поднимут трал, выгрузят его, починят и снова забросят. При Томе подняли из моря тонн двадцать минтая и стали отгружать его вниз на фабрику.

Один раз Тома шла по коридору на кухню, и ей заступил дорогу мужчина лет тридцати пяти. Высокий статный, с темными, почти черными волосами, густыми бровями, он работал мастером обработки. То есть отвечал, за то, как обрабатывают пойманную рыбу, как ее морозят и как упаковывают в картонные ящики.

Он улыбался и не пропускал Тому. Странное ухаживание, думала Тома. Неужели таким образом он надеялся покорить ее. Ну тут кто как умеет, у кого какие навыки наработаны. Тома сразу все поняла. Она поморщилась и попыталась отшутиться. Но не тут-то было. Мастер оказался настойчивым и стал прижимать Тому к стенке. Она начала нервничать, да и кому понравится такое ухаживание. Тома вздохнула и хотела начать действовать. Хорошо, что из кухни вышел повар Костя и позвал Тому. Мастер нехотя освободил проход.

– Что уже пристает? Да он такой, ни одной юбки не пропустит, – сказал повар.

– И что мне делать? – Тома нервничала. Все-таки она сама хотела выбирать. А все происходящее казалось нелепым спектаклем.

– Здесь два выхода. Первый уступить ему. Второй не уступать, а потом все равно уступить. Он очень настойчивый и сделает все, чтобы добиться женщины. Он пойдет на все. Он запросто может оговорить женщину, лишь бы добиться своей цели. Так что, девушка, думаю у тебя нет выхода, – сказал повар Костя.

Тома задумалась. Что же делать? Пойти жаловаться к капитану? Понятно чью сторону он примет. Конечно, сторону мастера обработки, он важнее для траулера, чем какая-то посудомойка.

Может дать ему отпор. Может и покалечить при этом. Но это не тот случай. Не надо высовываться. Нужно быть незаметнее и поэтому скромнее.

Вера долго хохотала, когда Тома рассказала о том, как за ней пытались ухаживать. – Попала ты, Тома. Я знаю этого прохвоста, да его по всем пароходам знают, известный бабник. Так что готовься, может лучше сразу и дать. Не ломаться. Он ведь и ко мне пытался, но мне помог один человек. И отстал, паразит.

Тома, конечно, спросила кто этот человек. Но Вера не хотела об этом говорить. Она засобирилась и ушла.

Тома стала осторожно ходить по коридорам, она старалась не попадаться на глаза всем мужчинам без исключения. Хотя понимала, траулер небольшой, всего-то девяносто мужчин и четыре женщины. И все происходящее мгновенно разносится по всем каютам и рабочим местам. Конечно все знают об этом случае, что мастер ее “забил”, и что никто не должен к ней подходить.

Вот такие жестокие законы моря. Кто не хочет подчиняться, тот не вписывается в негласные правила, а раз не вписывается, то и должен покинуть судно.

Тома чувствовала, что назревает впереди что-то неприятное. Но совсем не ожидала такого.

Она вышла из кухни, привычно огляделась, и хотела идти, но кто-то схватил ее сзади. Он обхватил ее, руки прижал к телу. Своей головой он прижался к волосам Тома и терся об них. Одновременно он что-то шептал.

Тома растерялась от такой наглости. Она пыталась повернуться, но мужчина крепко держал ее. Руками он начал гладить ее грудь. Низом живота прижимался к телу Тома. И тут она не выдержала. Головой ударить она не могла. Хитрый, гад, оказался. Головой прижимался к ее голове. Руками держал крепко. Оставался единственный выход. Но Тома опасалась того, как бы не искалечить мужчину. Она все-таки решилась, и ударила пяткой по

ступне нападающего. Не сильно, однако этого хватило, чтобы тот ослабил хват. Тома освободила правую руку и схватила мужчину, за пах. И крепко сжала. Руки того стали разжиматься, он попытался освободиться от ее захвата. Тома резко дернула рукой вниз и в сторону. Этот гад застонал. Она, однако, не ожидала, что тот упадет и начнет стонать.

Это был не мастер обработки, это был мастер добычи. Невысокого роста, плотный, светловолосый он был обыкновенным мужчиной. И что его потянуло на Тому? Они что соперники с мастером обработки? Неужели она становится такой популярной?

Так. Один получил. И сейчас будет наверно избегать ее. Тома наклонилась к мужчине и тихо прошипела: – еще раз сунешься, оборву напроць! Понял?

Мужчина кивнул, и стал подниматься на ноги. Тома посмотрела по сторонам и пошла к себе. Она надеялась, что никто не видел инцидента. Сама не собиралась никому говорить об этом.

Однако вечером Вера опять хохотала. И откуда она узнала? Ведь никто не видел. Никаких видеокамер не стояло на судне. Их просто тогда не было. Вера никак не признавалась, кто ей все рассказал. Но все-таки пообещала, что никому не скажет. Через несколько минут Вера убежала смотреть кино. И Тома решила полежать, отдохнуть.

Кто-то постучал в дверь. Тома насторожилась. Сказала, – войдите.

В дверях показался ее начальник повар Костя. Он оглядел каюту, и заулыбался Томе. До нее дошло – вот кто все видел. Он же и рассказал Вере. Тома занервничала, и видимо Костя почувствовал это. Он, извиняюще, кивнул головой. Пожал плечами. И хотел уходить. Но Тома его остановила.

– Костя, заходи. И давай все рассказывай! – Тома прямо давила на повара. А что ей оставалось делать.

Костя вошел, сел на диван и уставился на Тому. Совсем, как школьник.

– Что тебе рассказывать?

– Расскажи, как ты защитил Веру, – спросила Тома.

Не очень охотно Костя стал говорить. Выяснилось, что Косте давно нравилась Вера, но она отказывала ему во взаимности. Однажды она пожаловалась Косте, и он защитил ее от посягательств мастера обработки. И сейчас все знали, что к Вере подходить с некоторыми намерениями небезопасно.

Тома заставила Костю рассказать о мастере обработки. Ей хотелось понять, что он за человек. Как на него можно воздействовать. Может быть, даже придется вывести его из строя. Насколько он нужен на судне.

Выяснилось, что мастер обработки один из самых важных людей на траулере. От него зависело качество обработки рыбы. От него зависело приемка рыбы плавбазой, на которой перерабатывалась рыба. Его связи позволяли чаще сдавать рыбу на перегрузчик. Да многое другое зависело от него.

Тома узнала, что Вячеслав, так звали мастера обработки, был два раза женат. От обеих жен были дети. И почему-то обе жены от него загуляли. Впрочем, это неудивительно, говорил Костя.

Ждать по полгода своего мужа, выдержит не каждая женщина. Вот и получалось так, что муж уходит в море на полгода, а вместо него возвращается с моря другой мужчина. Вот с ним и встречается женщина, потом опять появляется муж, ну и с ним живет. Многие мужья догадывались об этом. Или расходись или принимай такую жизнь. Так и жили некоторые.

Они еще поговорили, потом Костя ушел. Тома снова задумалась. Впереди еще несколько

месяцев рейса. Что же делать? А может посмотреть и увидеть, что есть у этого Вячеслава?

Тома вспомнила его лицо, его глаза, его прикосновения, ее передернуло. Неужели он настолько противен? Станный запах от него. Вроде бы и не дешевый одеколон, но вместе с его потом – это просто суррогат какой-то.

Тома закрыла глаза и сосредоточилась на Вячеславе. Медленно, словно нить, она стала вытягивать информацию из темно-коричневого объема, который она видела у него за спиной. Эта информация была необычной. Ее нужно было как-то упорядочить, это было самым трудным в ее способности. Да, она видела образы, иногда были ощущения, и даже чувства и эмоции, но перевести все это в слова было трудно. Так бывает, когда проснешься и вспоминаешь сон. И пытаешься уловить исчезающие ощущения, задержать остатки чувства, которые были во сне.

Сейчас она видела его запреты. Она расшифровала их так: Вячеславу нельзя было гулять, имелось в виду менять женщин. Это скоро могло кончиться плачевно. Хотя жизнь и предупреждала его. Его жены и были предупреждением.

Второе: – Вячеславу нельзя было ловчить, она поняла это так, что нельзя было делать махинации. Рано или поздно он должен был попасться и тогда мог попасть в тюрьму. Тома понимала, что в этом мире расхищение государственного имущества и приписки караются очень жестоко, и человека мало что могло спасти.

И наконец, третье: – перестать обманывать себя. Вот это, Тома понимала, самое сложное. Каждый человек обманывает себя. Ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Он видит себя в каком-то образе. Чаще идеальном. А на самом деле он не такой. И мало кто может признаться в этом. Даже те люди, которые доказывают своей жизнью, что они самые добрые, самые умные, самые значительные, все равно обманывают себя.

В этом случае Вячеславу грозила болезнь. От которой он мог умереть. Если не перестанет врать себя. А в этом разобраться без мудрого человека практически невозможно. Почти все психологи лечат по схемам, мало кто готов разобраться, что же происходит на самом деле.

Тома устала переводить с языка образов на язык слов. Она, как могла записала все что узнала о Вячеславе, и спрятала записную книжку в сумку. Ей не хотелось это говорить никому, тем более Вере. Она хорошая девушка, но понять то, что хотела бы сказать Тома, скорее всего не смогла бы. А уж Вячеслав тем более. Хотя, кто знает, может наступит такое время, когда ему понадобится эта информация. Как-то даже жалко стало его. Так, бывало, поэтому Тома не любила смотреть запреты людей. Видишь, что может произойти с человеком и никак не можешь ему помочь.

Вспомнился Серый. Вот он задумался над своими запретами. Где он сейчас? Чем занимается? Тома погрузилась в воспоминания.

Я вспомнил, как медведь приходил во второй раз. Я только начал жить у деда. И ничего не понимал. Потихоньку заживала моя нога, я понемногу шевелился по хозяйству. Конечно, удивительно, я городской парень, который привык, что еду ему готовит мама, а тут он должен готовить сам, да еще на двоих.

Старик тогда сказал: – Я, конечно, не хочу послушаться Хозяина. Но думаю, что ты не тот человек, за которого выдаешь себя. И это подтвердил Хозяин. Но выгонять я тебя не хочу. Я не могу тебя заставить уйти, но скажу сразу – ты мне не нравишься.

Я смотрел на него и думал, как я смогу жить у безумного старика. Когда-нибудь он меня отравит или отдаст медведю. Нет, такая перспектива меня не устраивала. Опять же, вот заживет у меня нога, дальше что? Он выпроводит меня отсюда, и куда я? Надо что-то делать, и я не знаю что.

Когда-то тренер по рукопашке говорил, что жизнь иногда делает вызов, и надо принимать или не принимать его. Вот сейчас наверно такой момент настал. И я ничего не могу решить.

Старик посмотрел на меня и потом сказал, – давай так! Вот тебе неделя, как раз нога твоя заживет, а там решим, что с тобой делать? Ну а пока, раз ты тут живешь, давай-ка мне помогай. А после поговорим.

Неделя продолжалась. Ночью мне снились сны, в которых я от кого-то бегал. Днем я толк порошки, старик говорил, это на зиму. Мы почти не разговаривали. Он молчал, я же не решался с ним беседовать. В любой момент мог нарваться на грубость. И грубость его всегда была правильная. Главное очень обидная.

Как-то он сказал: – вот ты лентяй внутри себя. Ты всегда хочешь быстрее сделать работу, а потом отдыхать. А не понимаешь, что отдых твой тоже работа, только другая. И толку от твоего отдыха-работы никому нет. И тебе в первую очередь. Ты когда отдыхаешь, ты даже не радуешься.

Мне так хотелось возмутиться, как это я не радуюсь. Но старик опустил на стол свою большую ладонь, – нет, не радуешься. Потому что не умеешь. Да и кто тебя научил-то? Все люди, как слепые кутенки ползают по Земле, сами не знают чего хотят.

Я не стал спорить, зачем, что можно доказать старику. Прошла неделя и настало время, когда дед разрешил мне разрезать тугую повязку, сделанную наподобие гипса.

Попробовал сделать шаг, не больно, второй, тоже не больно. Все отлично. Настроение на глазах поднималось. Я уже решил остаться у деда. Но случилось вот что.

К деду пришел парень из деревни. Они поговорили, и дед засобирался. Мне сказал, что уходит на неделю. Лечить будет, в соседней деревне на мужика мишка напал. Сильно поломал его. Мне же дед сказал вести хозяйство. Если кто придет, то не показываться. Хотя старик никого и не ждал.

Я остался один, почувствовал какую-то свободу. Правда память о Михайло Потапыче была, но надеялся, что он не будет навещать меня.

Я сходил на второй день в свое убежище, о котором деду ничего не сказал. А зачем? Пусть это место будет на всякий случай.

Все было по-старому. Я еще там поделал кое-что. Закрыв дальше стену, сделал даже

небольшую дверь, через которую можно было заползать в пещерку. Разжег костер, сам покоптился немного. И мой домик стал пахнуть жильем. Свое есть свое. Но зимовать в нем, конечно, нельзя, замерзнешь.

Прошло уже четыре дня, скоро должен был вернуться старик. Утром, когда я еще спал, в дверь избушки кто-то постучал. Я быстро скатился с лавки к окну. Никого. Может почудилось? Нет! Стук продолжился. Пришлось подойти и отодвинуть засов. В дверь вошел крупный бородатый мужчина. Я узнал его. Это был старший деревни. И что ему надо? Он когда-то говорил, что мне нужно уезжать отсюда.

Старший поздоровался и стоял у порога ждал. Я сообразил и пригласил его на лавку за стол. Он грузно сел и уставился на меня.

Первым разговор начал я, – вы что-то хотели?

– Я к тебе, парень. Знаю, что ты остаешься на зиму. Что разрешил тебе старик. Но ведь и я здесь тоже решаю. Зачем ты в наших краях? Только не ври мне.

Бородатый мужик смотрел прямо в глаза и врать ему не стоило. Я точно знал, что он почувствует, если я буду врать. Значит надо говорить правду. Ну что ж!

Я сказал, что меня ищут люди. Я их не знаю. Это не власти. И мне нужно какое-то время переждать. О том что я здесь, не знает ни один человек. Добирался я сюда окольными путями, так что вот так.

Старший прищурил глаза и спросил, – так ли, что ни один человек не знает?

Пришлось сказать, что про это место мне говорила одна бабушка в Приморье, но она умерла.

– Значит время пришло, – отозвался старший. – Хорошо, я тебе верю. Про тебя в деревне знает только несколько человек. Они никому не скажут. Но и ты не ходи к нам. Мы раз в неделю посылаем парня к старику, он приносит еду. Будет приносить больше, но он тебя тоже не должен видеть.

Мужчина вздохнул, – если бы не его уменье лечить, то не жил был он здесь. Неудобный он человек. Да и тебе не разрешили бы. А так ...

Старший достал котомку, из нее выложил три банки тушенки, два мешка с крупой, и два больших каравай хлеба.

– Передай старику, что я приходил, и что разрешил тебе остаться до начала лета.

Мужчина окинул взглядом избу, поморщился, и попрощавшись, вышел.

Вот оно как получилось! Что такое? Я уже и думать начинаю по-деревенски. Как быстро человек приспосабливается.

Прошло семь дней, старик все не приходил. Зато вечером заявился Михайло Потапыч. У меня снова начался мандраж. Да тут любого бы пробрало!

Медведь ходил вокруг избы и урчал. То ли жрать хотел, то общения жаждал. Но какое от меня общение. Я бегал от окна к двери и проверял, хорошо ли закрылся. Подумал о ружье, но отбросил эту мысль. На медведя и бывалые мужики боятся идти, не то, что я. Хотя если прижмет... я представил картину, что я стою перед избушкой, а на меня идет на задних лапах Михайло Потапыч. Я вскидываю ружье и ... сильный удар сотряс избушку. Мне стало не до фантазий. Ведь если он захочет, то запросто раскатает ее по бревнышкам.

Я суетился, я не мог стоять на месте. Нужно что-то делать. А вот что? Никак не мог сообразить. Хватал то одну вещь, то другую. Все не то. Да и чем можно защититься от разъяренного зверя? А что он разъярен, это я уже чувствовал по ударам лапой по стенам избушки. У меня уже стала появляться мысль – а зачем я хочу здесь остаться? Когда-нибудь

он меня сожрет.

Я вдруг сел на лавку и замер. Слышу медведь тоже затих. Я тихонько присел и стал пробираться к окну. И вот здесь я видимо задел что-то на полу, потому что мне вдруг пошли картины. Подземелье, освещенное чем-то. Ход тянется вдаль. Этот ход невысокий, человеку пролезть только если на карачках.

Послышалось сопение. Я чуть не помер. В окне была большая медвежья морда.

Я не мог трезво мыслить. Я замер, застыл, как в каталепсии. Морда исчезла. Я сидел на полу и тяжело дышал. Картина подземелья снова возникла передо мной. Только сейчас я сообразил – внизу же есть подземный ход.

Морда снова появилась в окне. Медведь словно хотел что-то разглядеть в избе. Как в трансе я полез под широкую лежанку и в углу нащупал шатающуюся доску. Я аккуратно подцепил ее ножом, отодвинул в сторону, и скользнул вниз. Как ни странно, я не забыл свечу и спички. Там тихонько я задвинул доску на место. Прислушался и только потом зажег спичку.

Да похоже это подземелье мне и виделось. Я пополз по нему и через пару метров остановился. До меня дошло – это подземелье не от медведя. Оно от человека. Ведь если я сейчас где-то вылезу, даже и за тридцать метров, пусть даже и сорок, медведь меня все равно почует. И тогда ... все ...

Я сидел в подземелье уже наверно пару часов. Свечку я, конечно, потушил, зачем зря расходовать. Вот и вспомнилась мне тренировка с землей на курсе. Я даже задремал. Разбудил меня мерный шум. Как будто кто-то заколачивал гвозди. Только все это слышно было глухо. Я осторожно стал двигаться обратно в избушку. Шум прекратился. И сколько я не прислушивался его больше не было.

Я тихонько вылез из подполья и сразу к окну. Тихо. Неужели ушел? Я подождал. Ничего не было слышно. Я раньше читал, что медведи очень хитрые животные. И могут караулить добычу долго.

Прошло наверно еще часа два. Мне надоело сидеть в избушке, и я решил выйти и посмотреть. Я приготовился выглянуть и сразу закрыть избушку.

Я выдохнул, резко открыл дверь, крутанул головой по сторонам и быстро закрыл. Вроде бы никого. Я опять подождал и уже чуть подольше посмотрел вокруг избушки. Никого. В третий раз, я, будь что будет, вышел наружу и прислушался. Никого. Я обошел дом, готовясь в любую секунду вернуться обратно. Но никого вокруг не было. Я сел на пенек и задумался. Как мне дальше жить? Ведь Михайло Потапыч когда-нибудь до меня доберется. Чем-то я ему не понравился.

Ночью я почти не спал, несколько раз вставал, подходил к окошку высматривал медведя, но его не было. Да и вообще, что это было? Не приходил ли он проверять, где его друг? Не может быть чтобы он приходил из-за меня. Зачем я ему, неужели еды ему не хватает?

Я задумался о своей способности. Вот опять она начала проявляться. Как-то странно это все. То не было, как бы я ни хотел, то в самый нужный момент начинает работать. Конечно, хотелось бы научиться пользоваться ею по команде, но сколько я не пытался ничего не получалось.

Вспомнилась Тома. Как у нее дела? Наверно и не вспоминает обо мне. Хотя, хотелось, чтобы помнила. Какие у нас были приключения, я даже улыбаться начал.

Под утро раздался стук в двери. Я приподнялся. Послышался крик снаружи: – открывай!

Я понял – старик пришел. Открыл ему дверь, он вошел, поздоровался, и скинул с плеча

мешок.

– Разбери! – коротко кивнул, и уселся на лавку. Я начал развязывать мешок и доставать оттуда мешки с крупой, сушеной рыбой, муку, сахар, соль. Все это нужно было разложить.

Я начал говорить, – тут старший приходил, тебя спрашивал. Со мной поговорил. Разрешил мне остаться, но только до начала лета.

Старик посмотрел на меня, пересел за стол, – корми меня. Я стал накладывать кашу в глиняную миску. Старик начал аккуратно есть. И откуда у него эти аристократические замашки. Он сам отрезал хлеб, положил его аккуратно рядом. Кашу он ел, не чавкая и не причмокивая. Подбирал все крошки.

Я ждал что он мне начнет рассказывать. Но он сам спросил: – что напугал тебя Михайло Потапыч? Я кивнул. Понятно, как узнал, там всюду его следы.

– А чего ты хотел? Что он будет вокруг тебя прыгать? Он Хозяин здесь. Он тут давно живет. Может уже тысячу лет, а может поболее ...

Я подумал, что старик заговаривается. Не могут медведи долго жить. Я читал, что медведи максимум живут тридцать лет. Все больше я думал, что мне нужно уходить отсюда. Но куда?

– Ты зря его боишься. Он умнее нас с тобой, да и всех в округе. Он следит здесь по всему лесу за порядком. Но почему он без меня приходил? Ничего, разберемся. Завтра пойдем на Дальнее болото, за травой. На зиму запасы будем делать. Чую я, зима тяжелая будет!

Я кивнул и сам сел есть. Потом вышел из дома и начал прибираться на территории. Подмел все, убрал сучки. Положил еду птичкам, я их подкармливал. Сделал даже для них из щепы небольшую кормушку и повесил на ветку. С первых дней я заметил одну необычную птицу. Она не отличалась особым окрасом, она была с виду как все. Но поведение ее иногда ставило меня в тупик.

Я видел, как эта птичка сидела над муравейником и наблюдала за муравьями. Никогда не думал, что птицы на такое способны. Хотя может быть она искала муравьиные яйца.

Однажды эта птичка посмотрела на меня, она поворачивала голову и разглядывала меня совсем, как человек. Еще немного, и, казалось, она меня о чем-то спросит.

Птичка совсем меня не боялась. Я потом узнал, что это поползень. Небольшая сантиметров двенадцать, она все время была в движении. То ползала по коре дерева, то выковыривала что-то из пенька.

Ко мне она сначала относилась настороженно, но потом привыкла и даже не улетала, когда я насыпал зерна на кормушку. Иногда она сидела на дереве и наблюдала за тем, что я делаю.

Временами она исчезала куда-то и несколько часов ее не было. Затем возвращалась и проверяла – все ли в порядке на полянке у избушки. Ее блестящие бусинки глаз смотрели во все стороны. Шея у нее была короткая поэтому птичка поворачивалась всем телом.

Дед однажды заметил мой интерес к поползню и настрого предупредил не трогать птицу. Он сказал – это заветная птица, но, когда я спросил, что это значит, он ничего не ответил.

Как-то я задумался – а как у птиц устроено мышление? Они же что-то думают. Вон как поползень летает между веток. Я представил себя на его месте. Да я бы упал сразу. На такой скорости соображать куда лететь, у меня точно не получилось бы.

Я вернулся из воспоминаний. Подкинул дров в печку, поправил одеяло деду и вышел из дома. Окинул взглядом нашу стоянку. Четыре поленницы с дровами стоят почти ровными

рядами. Два лабаза приготовлены. Поляна перед избушкой чиста, я вчера промел все. Конечно, сигнализацию бы сделать. Но из чего? Нужна хотя бы проволока. А так? И тут всплыла у меня схема простейшей сигнализации. Нам объясняли ее устройство на курсе.

Я задумался, а куда ее установить? Ну, конечно, на тропинке. По ней ходят люди к старику. Если сигнализация сработает, то у меня будет время чтобы спрятаться.

Я пошел на место, куда хотел установить сигнализацию. Конечно, нужно сделать так, чтобы ее было не видно. Мне нужен нож, топор, веревка и пустая банка из-под тушенки. Хотя если даже нет банки, можно обойтись сухой берестой.

Я выбрал место, где тропинка поворачивала налево. Это всего в метрах тридцати от избушки. Вокруг были кусты вереска. В них очень удобно было замаскировать устройство. Банку я не нашел, поэтому взял бересту, скрученную в валик.

Выбрал самое узкое место в кустах, где проходила тропинка и протянул через неё тоненькую веревочку на высоте примерно сантиметров двадцать. Один конец привязал, другой запустил в кусты. Там сделал устройство похожее на ловушку. И повесил сверху бересту. Закрутил палку, поставил сторожок и стал проверять работоспособность.

Пришлось немного подкорректировать, и сигнализация заработала. Идея в том, что когда человек проходил по тропинке и задевал веревочку, то в кустах срывался сторожок и закрученная палочка начинала бить по сухой бересте и звуки ударов разносились по окрестностям.

Конечно, охотник на такую сигнализацию не попадется, да и зверь обойдет ее, но непрошенный человек точно не заметит веревочку и устройство сработает.

Я могу такие сигнализации поставить со всех сторон. Но особой необходимости нет. Я больше опасаясь людей, которые могут прийти со стороны деревни. А беглые зеки? Старик говорил, что это бывает очень редко.

А что я буду зимой делать? Свечей у нас немного. Да и зачем эти свечи? Книжек все равно нет. Радио нет. Чем буду заниматься, ума не приложу. Хотя дед обещал научить силки ставить, следы распутывать.

Но это все не то. Я современный молодой человек и застрял в этом лесу. Жизнь стала какая-то замедленная, то ли дело раньше. Все крутилось, вертелось, еле успевал реагировать.

Вспомнилось, как дед говорил, – вот считают, что умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. Так вот – ерунда это все. Это глупый в гору не пойдет, а умный наоборот, пойдет.

Старик продолжал: – глупый такой же как ты, лишь бы ничего не делать. Вот он и выбирает что полегче. А умный? Тому надо сильнее стать. Он не знает, что дальше будет. Как жизнь распорядится им. Вот и когда в гору-то пойдет, то гораздо сильнее будет, чем раньше. Умный-то это понимает, а дурак нет.

Я плохо понимал деда. Получалось, что все время нужно выбирать трудности. Но ведь так тяжело жить. Когда же радоваться жизни, наслаждаться. Трудности, проблемы, задачи, а когда жить?

Хотя ... что-то в словах старика есть. Надо будет подумать. Интересные мысли у старика. Да и вообще, кто он такой?

Рейс продолжался. Все бригады работали шесть через шесть. То есть шесть часов работали, шесть отдыхали. Во время отдыха члены команды смотрели кино, болтали, отдыхали и даже читали книги. Кто-то занимался гирями, кто-то подтягивал английский, один мужчина писал стихи.

Тома четко и быстро выполняла свою работу. Ничего сложного не было. Главное расставить приоритеты и распределить время. У женщин это получается гораздо легче, чем у мужчин.

Буфетчица Ольга темноволосая, с короткой стрижкой, симпатичная привыкла к вниманию мужчин. Она жила в каюте с Любаней, которая была уборщицей. Люба была блондинкой, с весьма впечатляющими формами. Почти каждый мужчина оглядывался, когда она проходила по коридору.

Разумеется, у них были мужчины. У Ольги – мастер обработки, у Любани – мужчина из бригады добычи.

В море женщины вниманием мужчин не обделены. Наоборот, им приходилось порой отбиваться.

Однажды буфетчица Ольга вошла в столовую, когда там не было моряков и устроила скандал Томе. Сначала Тома ничего не поняла. Ольга сразу начала говорить на повышенных тонах.

– Ты почему моего мужчину отбиваешь? Ты что закона не знаешь? Он мой и только мой!

Тома в это время протирала стол. Она замерла с тряпкой и недоуменно смотрела на Ольгу.

– Не делай вид, что не понимаешь! Все ты понимаешь! – Ольге хотелось поскандалить, выплеснуть эмоции.

– Ты успокойся, Оля, – сказала Тома.

Ольга не хотела успокаиваться. Ей нужны были эмоции.

– Ты зачем к Вячеславу лезешь? Зачем? Пришла на пароход и все ... королева бензоколонки ...

Тома поняла, речь шла о мастере обработки, о том мужчине, который пытался ухаживать за ней. Также она поняла, что Ольга хочет показать свою власть над Вячеславом. Многим женщинам хочется иметь власть над мужчинами.

Что могла сказать Тома оскорбленной женщине. Совсем некстати Тома начала видеть запреты Ольги. Ясно и четко она поняла, что Ольге нельзя делать аборт, также нельзя связывать свою судьбу с мужчинами, которые гуляют, и еще нельзя рассказывать о своей жизни.

Все эти запреты настолько ярко предстали перед Томой, что она не удержалась и сказала Ольге.

– Не нужен мне твой Вячеслав. Он совершенно не в моем вкусе. Да и тебе не надо с ним дружить. Тебе может быть нехорошо от такого человека. К тому же он сам ко мне пристает. И вообще разбирайтесь сами.

Из всей речи Томы Ольга уловила только то, что Тома сказала, что ей не надо с ним

дружить, а то будет плохо.

Напоследок Ольга послала Тому подальше и выскочила из столовой. Повар Костя высунулся из окна кухни и сказал, – как же ты всем нравишься на судне. Его улыбка не была ехидной, все-таки он добрый парень, но все равно от его слов Томе было обидно.

Володя был рыжим, не то, чтобы очень, но все-таки. Длинные усы его, как у Чапаева всегда загибались вверх, отчего лицо выглядело задиристым. Худая, нескладная фигура, скрипучий голос и постоянная улыбка, вот, пожалуй, и все. Да, еще добрейший характер и неистощимый оптимизм.

Володя был рефмашинистом, это специалист, который следит за работой холодильных установок, что морозят рыбу на траулере. Он поставил со сменой добычи столитровую бочку браги. Запрятали ее в рефотделение, там, где работал Володя. Уже на третий день он начал снимать пробу. Доливал кипяченую воду, чтобы бригада не заметила. Много ему не надо было, он на берегу полтора месяца не «просыхал».

Все шло просто прекрасно, Володя постоянно под кайфом, время летит незаметно и вообще жизнь хороша.

Но вот как-то раз проснулся Володя, занялся своими делами и совсем забыл опохмелиться. Это была большая ошибка. Наверно из-за этого ему в голову пришла шальная мысль: «А не навесит ли ему женщин?» Отмахнуться от мысли Володя не смог, наоборот, он ей с удовольствием подчинился. И через минуту Володя заторопился в женские каюты.

На таких траулерах женщин мало, всего четыре, пять на весь экипаж. Они кажутся все красотками уже через месяц рейса. Мужики есть мужики. Вдали от берега, естественно, желания удесятятся. Вот и Володя, регулярно подогреваемый брагой, а, как известно в ней содержится много калорий, воспылал страстью к женщине, неважно к какой, лишь бы была женщиной.

Он культурно постучался в женскую каюту и вошел. В двухместной каюте была только Ольга. Она лежала на верхней койке и читала какой-то журнал. Володя, соблазнительно улыбаясь и шевеля своими знаменитыми усами, подошел к койке и начал, как ему казалось, нежно поглаживать руку Ольги. Та, широко раскрыв глаза, оторопело смотрела на Володю. Володя осмелел, и рука его двинулась ниже, к бедрам. Тут Ольга не выдержала и отбросила наглуую руку Володи.

– Ты чего, Вова? – обеспокоено заговорила Ольга.

– Да нет, я ничего... Олечка, давай я к тебе залезу...

– Володя, что с тобой?

– Ну, чего ты, Оля? Давай быстренько, никто не узнает.

– Володя, да ты ведь знаешь, я с Вячеславом живу...

– Ну и что! Мы быстро.

Ольга не соглашалась. Тогда Володя, быстро скинув с себя брюки и рубашку, остался в одних трусах и полез к Вере на койку. Женщина кричать не стала, она как-то вывернулась и выскочила из каюты. Володя, отупевший от алкоголя, разлегся на верхней койке. Придет, никуда не денется.

Однако через десять минут в каюту ворвались мужики. Руководил ими боцман Миша, здоровый, который раньше занимался борьбой. Володю скрутили в два счета, и, опутав веревками, потащили по коридору. По пути боцман все допытывался у Володи: «А если бы моя жена в каюте была, ты бы полез к ней?» Володя молчал, молчал, да и сказал: «Если тебя Миша так же связать, как меня, то тогда, конечно, полез бы».

Бросили Володю в вентиляционную камеру. Снаружи дверь закрыли на замок, как будто он мог сбежать, это связанный-то....

Прошло два часа. Володя изрядно замерз. А попробуйте в одних трусах на железе.... Наконец он услышал долгожданный стук замка. Боцман Миша заглянул в камеру и спросил: «Ну что, будешь еще?»

– Нет, нет, Миша! Конечно, не буду. Я все. У меня все прошло!

Миша распутал веревки, вывел Володю в коридор и только хотел что-то сказать, как у Володи нога сама собой поднялась, и пнула Мишу в это самое, ну, в общем, понятно куда. «Попал, конечно, попал» – радовался Володя, глядя на корчившегося боцмана. Но надо было успевать. Володя подхватился, и, мелькая голенастыми ногами, помчался на кухню. Возле дверей он прислушался. Все тихо спокойно. Тогда он, призывно улыбаясь и выпятив грудь, торжественно вступил в зал.

А там готовили ужин. Тома разговаривала с Верой. Они обернулись и замерли. Посиневший, худой, с воинственно поднятыми усами Володя походил на покойника, сбежавшего из морга. Уж потом, когда узнали его, все чуть не перекрестились.

Володя начал свое выступление.

– Товарищи женщины, я человек простой, потому скажу прямо: кто первая? Да-да, кто? И давайте побыстрее, я тороплюсь.

Тома и Вера смотрели во все глаза на Володю и не могли понять, шутит он что ли?

Какие шутки, Володя начал снимать трусы, чтобы сразу поразить их, как вдруг... Вот так всегда, на самом интересном месте и случается вдруг.

Дверь сзади распахнулась и ревущий, как бык, боцман Миша схватил Володю за плечо, вернее попытался схватить, потому что тот выскользнул и пустился вскачь меж столов. Охотники, крича и ругаясь, устремились за беглецом.

Поплутав по проходам, Володя выскочил на трал-палубу. И, прыгая по палубе, стал удаляться от преследователей. Те догоняли. В голове Володи мелькнуло спасительное воспоминание. Бабушка в детстве говорила, что от чертей можно спастись только в воде. А боцман Миша с командой естественно представлялись Володе чертями, которые вот-вот поймают его и уж потом поизмываются над ним, отведут душу.

Володя не будь дураком и сиганул за борт. Вот здесь он почувствовал, что такое холодная морская вода.

Спасся бы Володя от чертей, точно бы спасся, только спасся бы на том свете. Да боцман Миша, друг все-таки, быстро спустил шлюпку и выловил бедного Володю. Еще бы немного и не было бы человека с чапаевскими усами.

Завтра подошел перегрузчик за новой партией рыбы и сдали Володю на него. А на нем отправили на берег.

А к вечеру по громкой связи вызвали Тому к помполиту, к помощнику капитана по политической части. Пока она шла, вспоминала все свои прегрешения. Вроде бы их не было. Разве что кто-то из команды пожаловался. Но это редко бывает, говорила Вера, обычно в рейсе не до того, нужно работать. Да и мужчины в этом плане по-другому устроены в отличии от женщин. Редко кто из мужчин жалуется, тем более из моряков.

Оказалось, все проще и одновременно сложнее. Ольга буфетчица пожаловалась на Тому.

Помполит, мужчина лет сорока пяти, седоватый, скорее всего бывший военный, посадил Тому на диван и начал говорить.

– Тамара, как вы относитесь к религии?

Тома пожалала плечами, – никак не отношусь. В церковь не хожу. Книжки не читаю, не молюсь. А что?

– Да дело не в религии. А в том, что некоторые у нас в команде, понимаешь, верят во всякую ерунду. Ты вот веришь в мистику?

Что могла сказать Тома? Что она может видеть у людей их запреты. То, что им нельзя делать, под страхом болезней, неприятностей, а то и смерти. Понятно, что она промолчала.

Помполит продолжил.

– Понимаешь, Тамара, на судне должна сохраняться здоровая атмосфера. Доверительная. Тем более у нас район лова находится у берегов Японии. А на самом деле что происходит?

– Что? – автоматически переспросила Тома.

Помполит был подкован не только политически, он явно прошел обучение по психологической обработке.

– Тамара, я здесь поставлен для того, чтобы на судне не было склок, скандалов и других разборок. А что же я вижу? А вижу, что жалуется на тебя Ольга. Да и жалуется на то, что не может быть у нас. На мистику какую-то.

Помполит опутывал Тому словами, как паутиной. Ей хотелось сказать, – хватит тянуть, говорите уже.

– Давай, Тамара рассказывай, что у тебя произошло с Ольгой и мастером обработки?

Тома усмехнулась, чем вызвала гневный прищур мужчины. И сказала.

– Ничего у нас не произошло. Так небольшое выяснение отношений.

– Так, так. Ближе к делу, – неожиданно потер руки помполит.

Но Тома замолчала. Не хотела она говорить о том случае. Зачем раздувать его?

Молчал и помполит. Прошла минута. Он понял, что Тома ничего рассказывать не будет. Он поднял брови, покачал головой и продолжил.

– Так вот, дорогая Тамара, жалуется на тебя Ольга буфетчица. Она говорит, что ты колдуешь. При этих словах он впился взглядом в Тамару. Та простодушно смотрела на помполита.

– Она сказала, что ты пригрозила ей порчей и сглазом. И случай с Владимиром рефмашинистом произошел по твоей вине. Ольга сказала, что это ты его направила к ней.

Тут Тома стала улыбаться и очень широко. Ей на самом деле стало смешно. Неужели Ольга настолько глупа, чтобы придумать такое и тем более потом жаловаться.

Помполит опешил. Он не ожидал, что Тамара будет улыбаться. Но надо отдать ему должное, он подхватил улыбку Тома и в свою очередь растянул губы, изображая улыбку.

Помполит лихорадочно искал выход. Что ему говорить дальше? Как воздействовать на эту непонятную женщину?

– Так вы же не верите в мистику и колдовство? – спросила Тома.

– Конечно, не верю во всю эту ерунду! – пришлось признаться помполиту.

– Тогда, о чем этот разговор? – пожалала плечами Тома.

Помполит облизал губы. Что за упрямая женщина. Тяжело с ней разговаривать. То ли придуряется, то ли на самом деле такая.

– В общем, Тамара, я к чему все это говорю. Ты давай помирись с Ольгой. Дружно надо жить на судне. Ведь мы здесь одна семья.

Тома сидела кивала и думала. Вот стерва, эта Ольга. Да и Вячеслав ее хорош. Сам попытался подкатить к Томе, и тут же оправдался перед Ольгой, с которой в этом рейсе

дружил.

Дальше разговор быстро закрутился, и Тома пошла к себе в каюту. По пути она раздумывала, рассказать соседке Вере, об этом или нет. Хотя помполит сказал, чтобы о разговоре никто не знал.

Вера сама вытянула все из Тома. Весь пароход уже знал, что Тома может колдовать. Что запросто может навести сглаз и даже порчу. И Вере было не смешно. Она даже отодвинулась от Тома и предложила ей коробку конфет, которую хранила на праздник.

Напрасно Тома пыталась переубедить Веру. Та кивала головой на убедительные слова, а в глазах все равно была настороженность.

Моряки продолжали улыбаться Томе, когда встречали ее, и лишь наиболее впечатлительные обходили ее. Да Костя повар смеялся над Ольгой, да, пожалуй, и над Томой. Он говорил, что сколько помнит никогда таких случаев на рыболовных судах не было.

Вячеслав не подходил к Томе. Ольга не разговаривала, если где-нибудь встречала Тому. А в остальном все быстро успокоилось. Тяжелая работа, новые фильмы, да еще перегруз на плавбазу, где работали четыреста женщин, и только сто пятьдесят мужчин, сильно отвлек всех от случая с Ольгой.

Женщины работали на консервных линиях. Плавбаза делала консервы и пресервы из той рыбы, которую сдавали им траулеры. И так как экипаж судна, на котором была Тома был комсомольско-молодежный, то и комсорг договорился с капитаном о вечере встречи с командой плавбазы.

Во время перегруза, когда рыбу из трюма траулера доставляли на борт плавбазы, свободные от смены ребята и женщины, могли переправиться на плавбазу.

В зале собралась молодежь. Разглядывали друг друга. Развлечений в море мало, тем более одни и те же люди мелькают все время.

Начался КВН. Команда плавбазы и команда траулера. Смех, улыбки, переглядывания, жаль, что все это быстро закончилось. Начались танцы. В полумраке звучала медленная музыка, молодежь вспоминала берег. На короткие мгновения казалось, вот сейчас выйдешь из зала и вдохнешь вечернего воздуха и посмотришь на темное небо, на звезды и душа запоет.

Но через секунду ощущаешь под собой, как медленно смещается пол, как гудят не останавливаемые механизмы и снова вернешься в этот зал.

Тома танцевала с незнакомыми молодыми людьми. Ее приглашали на новый танец разные ребята. Она с удовольствием подчинялась их движениям. И даже иногда закрывала глаза. Приятно было чувствовать сильные мужские руки, которые аккуратно вели Тому в танце. Как давно она не танцевала. Она решила снять некоторый контроль и наслаждаться музыкой и вечером. Удивительное и забытое ощущение управления мужчиной снова нахлынуло на нее. Управление тонкое, пожалуй, даже нежное, некоторые мужчины даже чувствуют это и позволяют управлять ими.

Но все кончается, кончился и это вечер. И снова рабочие будни, снова по громкой связи песни Окуджавы, хотя в последнее время их сменили итальянцы, Тото Кутуньо, Челентано, Пупо и другие.

Тома чаще стала задумываться, а что дальше? Скрылась она на полгода, там все переменится, а что ей делать? Снова искать своих? Да никакие они не свои. Все ее руководство интересуется только собой, до Тома, как человека, тем более женщины, никому дела нет. Вот разве только Серый... но он далеко. Да и вообще встретятся ли они еще раз ...

Этот случай всколыхнул весь траулер. Пропали часы у прачки Любани. Золотые, подарок

мамы, они исчезли днем. Когда Любаня мыла нижнюю палубу.

Это нелепое происшествие не должно было случиться. Дело в том, что в рейсе двери в каюты не закрываются на ключ. И это правило существует в целях безопасности. Поэтому никогда ничего и не пропадало.

Помполит стал проводить расследование. Он по одному вызывал в свою каюту людей и аккуратно расспрашивал. Официально он не мог допрашивать, поэтому, как он говорил, он проводил беседу.

Все это время Тома чувствовала, что этот случай каким-то боком коснется и ее. И точно. К ней подошел парень из добычи, молодой мужчина, который дружил с Любаней и попросил ее поглядеть, поколдовать. Узнать кто же это гад, который похитил часики Любани.

В первый день после случая с беглыми зеками старик спал. Во второй день он начал командовать мной. Он приказал мне заварить несколько разных трав и поставить на печку томиться. Также велел достать мазь и обработать рану на голове. Я все сделал, потом налил деду настоя и дал выпить. Наверно я с отваром переборщил, потому что дед начал бредить.

Он говорил о том, что не хочет никуда идти. Что пусть все отстанут от него. Он хочет спокойно умереть.

Я сидел на лавке и следил за дедом. Не дай Бог помрет, что мне потом делать? Придут из деревни и заберут меня, а там сдадут властям и все.

К вечеру старику стало еще хуже. Хотя в избе было натоплено, но его трясло, как будто он замерз. Я снова дал ему настоя. Дед говорил, что его часто нужно пить, хворь выгоняет. Я смотрел и мне становилось страшно.

После очередной кружки настоя, я укутал его старыми одеялами и вышел на улицу. На небе очень ярко светила луна. Звезды были как будто нарисованы. Воздух был чистый и даже ощущалась его плотность.

Я сел на бревно, которое служило нам лавкой, навалился на стену избы и задумался. Что я здесь делаю, зачем я здесь? А ведь мог бы жить и работать в своем времени. В конце концов жениться, завести детей и жить как Левка. Что же он сейчас подельывает?

Вспомнились курсы. Все предусмотрели наши руководители. Они сказали нам, что за все время командировки, родственники будут получать каждый месяц выписку из банка о начислениях. Чтобы не беспокоились. Значит и мои мама и отец сейчас думают, что я выполняю задание и у меня все нормально, раз выписки приходят каждый месяц. А интересно, на какое время рассчитана эта процедура. На год, на два?

Мысли перешли на Тому. Как она там? Наверняка ей тяжело. Но ничего потерпит полгода, а там видно будет что делать.

Я поднялся и пошел в дом. Открывая дверь, я услышал.

– Не подходи ко мне! Не подходи!

Я остановился. Дед продолжал, – ничего я не знаю! Ничего!

Я понял опять бредит. Когда же это у него закончится. Надеюсь, что все-таки у старика пройдет кризис, и он начнет выздоравливать.

– Да нельзя туда идти... нельзя... – опять послышался голос старика.

– Запретное место там... духи живут ... ничего трогать там нельзя ... да утопнешь в болоте ...

Вдруг старик сел, скинул с себя одеяла и застонал. Потом повалился обратно. Я схватил настой и стал его поить.

Старик успокоился и уснул. Правда ночью он еще раз кричал. Говорил про какой-то город, развалины, про смерть, про духов. Часто он повторял слова Бесовское болото. Еще пару раз сказал о восьмиконечной звезде в городе.

Я снова напоил его настоем, и он успокоился.

Наутро я проснулся от того, что почувствовал на себе взгляд. Когда открыл глаза, старик внимательно смотрел на меня, потом спросил, – я ничего не говорил в бреду.

Я пожал плечами: – говорил. Про какое-то Чертово болото. Что туда нельзя ...

– И все? – старик испытующе смотрел на меня. Я кивнул, не хотел говорить про город, про болото, про духов.

Старик отвернулся и сказал: всякая ерунда чудилась. Детство вспомнилось, тогда старики нам мальчикам всякие страшные истории рассказывали.

Сегодня старик уже поел побольше, но ходить не мог. Придется за ним ухаживать. Но ничего, время быстрее пройдет. Мне перекантоваться зиму, весну, дожить до лета, а там ... уеду я отсюда. К тому времени определюсь, что мне делать.

Я раздел старика и снова начал осматривать его раны. Все-таки сильно его порезали зеки. Я насчитал семь ран. Три из них подозрительно вздулись. Как бы заражения не было.

Когда я обратил внимание деда на эти раны, он сказал мне готовить другую мазь. Я залез в печку, достал золы, и стал растирать ее с желтым порошком, который взял из кувшинчика на полке. Старик внимательно следил за моими действиями. Время от времени он командовал, и я подсыпал то травы, то какого-то порошка. Потом все это я долго варил на печке.

В конце концов в кастрюльке остался густой раствор похожий на мазь. Все это дед сказал выскрести из кастрюли и переложить в глиняный кувшинчик. Потом этой мазью я стал мазать его раны. Но только те, которые загноились. Другие же я продолжал мазать старой мазью.

Старик застонал, видимо смесь была жгучей, и потом затих, уснул. Я начал готовить ужин. Превращаюсь в какую-то домохозяйку и лекаря. Думал ли я когда-нибудь что так будет. Что буду жить в лесу с полупомешанным стариком, да еще лечить его. И прятаться от всех людей.

Что-то мне уже и не хочется играть с телефоном, лазить в интернете, даже просто сидеть в кафе уже кажется никчемным делом. Неужели я так изменился?

Время шло, уже начало октября. Скоро выпадет первый снег. Я ни разу не видел первый снег в лесу. Городской житель. Занесло меня в тайгу Сибирскую.

Дед постепенно выздоравливает. Даже вставать начал. Хотя поначалу я испугался, что останусь один в лесу. Плохо было деду, очень плохо. Раны заживали, но видимо организм старый, и поэтому болезнь долго сопротивлялась.

Все это время я готовил еду, топил печь и даже рыбачил. Но назвать это рыбалкой было нельзя. Дед даже морщился, когда я уходил на реку. Он говорил, что это не по-людски, так добывать рыбу. Но не запрещал мне делать это. Я просто не мог по-другому рыбачить. Мне хотелось узнать состав порошка, который усыплял рыбу в реке, но дед не говорил. Он сказал, что такое людям давать нельзя, выведут всю рыбу. Что люди хищники на самом деле.

Однажды дед выполз на улицу. Сел на бревно, которое я приспособил для лавки.

Сразу к нему подлетел поползень. Сел на плечо и что-то защебетал. Дед заговорил с ним. И скоро они уже о чем-то беседовали, словно птица сообщала лесные новости. А кто знает, может быть так и было на самом деле.

Я сделал в стороне от избушки что-то наподобие спортплощадки. Ее не было видно за деревьями. Сделал своеобразный турник. Толстая ветвь сосны хорошо подходила для этого. Старое дерево, сухару, которую дед не дал в свое время спилить, я приспособил для отработки ударов руками и ногами.

Как говорил мой тренер – бей мягким по твердому, а твердым по мягкому. Это значит кулаком надо бить в живот, можно в грудь, но ни в коем случае не по лицу, не по голове.

Ладонью можно бить по голове, также по туловищу, да и блоки можно ставить ладонью.

Когда я бил по дереву, оно отзывалось и даже гудело. Мне казалось, оно разговаривает со мной. Да и я отвечал ему. Скоро я вытоптал землю вокруг дерева. На спортплощадке у меня были две палки. Одна примерно с руку длиной и толщиной сантиметра четыре, и другая длиной мне по грудь. С ними я отрабатывал разные удары. Правда по деревьям не бил, не хотел привлекать внимание деда.

Постепенно я входил в свою форму. Тело отзывалось на нагрузку, оно снова стало слушаться меня. Я начал разучивать новые связки ударов и блоков. Вводил захваты, тянущие, дергающие движения. Как говорил мой тренер, можно всю жизнь заниматься и все равно всего не изучишь.

Выпал снег и лес изменился. Стало тихо. Ветра почти не было. Слышно было, как упадет где-то ветка, закричит птица, и снова тишина.

Старик заказал парню, который пришел из деревни, новые лыжи. Он сказал ему, что старые сломались. Через неделю парень принес лыжи, и я примерил их. Дело в том, что старик заказал лыжи мне. Он сказал, что свои лыжи мне не даст, они заговоренные.

Я долго осваивал лыжи. Они ничем не походили на современные беговые. Лыжи были чуть выше моих плеч. Поверхность, которая должна скользить по снегу была подбита мехом, чтобы лыжи не сдавали назад. Крепления сделаны из ремней, похожих на вожжи.

Неудобные тяжелые, еще и приноровиться нужно, чтобы не заваливаться набок. Но с каждым разом я уходил все дальше и дальше в лес. Приходилось проверять ловушки, петли. Иногда снимать птиц и разделявать их. Я превращался в таежного человека.

Самое дальнее расстояние, которое я проходил на лыжах, это километров пятнадцать-восемнадцать. Конечно, любой охотник прошел бы намного больше, но и такие переходы для меня были рекордами. Все-таки я городской человек, пусть и вынуждено живущий в лесу.

Однажды мне пришла мысль – а что там за болотом. Конечно, все болото я бы не смог пересечь. Оно скорее всего тянулось километров на сорок, а то и пятьдесят. Поэтому я хотел срезать выступ болота. Я примерно представлял очертания, и хотел пересечь своеобразный язык, длиной километра два и шириной с километр. Мне было интересно, а что там за болотом.

В поход я отправился с утра. Покормил деда, подвинул ему книгу, открыл занавеску на окне, взял матерчатую сумку и отправился в лес.

Морозец был небольшой, градусов пятнадцать. До болота я дошел за час. И это хорошо, я еще свежий, не уставший, лыжи еще не кажутся по пятнадцать килограммов.

Мороз и солнце – день чудесный, говорил великий поэт. Настроение тоже чудесное. Я и лес. Я и мир. Нет ни городов, ни деревень, даже людей нет. И такое ощущение, что лес принял меня и сейчас общается со мной, только я его плохо понимаю.

Вот и болото. Я осторожно начал пробираться по нему. Все-таки я опасался провалиться в какую-нибудь яму. Потом вылезти будет очень сложно.

Но все шло просто прекрасно. Как говорил один мужичок на стройке, сегодня мой день.

Вот я и пересек болото. Видны уже сосенки, за ними ели со своими мохнатыми лапами ветвями. Сказочный лес. Тишина, только кое-где упадет снег с ветки и снова слушает лес свою песню.

За болотом был такой же лес, какой был до него. Правда начинался небольшой холм. Прежде чем подниматься на него я решил отдохнуть.

Время десятый час утра. Я вытоптал в снегу круг диаметром примерно три шага. Стал

разводить небольшой костер, чтобы попить чаю.

Поставил на горящие ветки маленькую алюминиевую кастрюльку и засыпал в нее снег. Скоро я уже пил чай с травами. Дед не признавал светские чаи и пил только заготовленные с весны и лета травы и листья деревьев. Я тоже привык к этим бодрящим или успокаивающим заваркам.

Внезапно я почувствовал опасность. И не такую, какая бывает обычно от зверя. Нет. Опасность была непонятной, может даже мистической, какой-то потусторонней.

Я медленно начал поворачивать голову и внимательно смотреть. Я понимал, что резких движений делать нельзя. Пришла мысль – медведь? Нет он давно спит, да и ощущения от него я запомнил на всю жизнь.

Я смотрел в костер, и одновременно телом и ушами сканировал пространство вокруг. Все было тихо. Но все равно тревожность нарастала. Это мне напоминало мои детские кошмары во сне. Что-то надвигается, и ты ничего не можешь сделать, ни убежать, ни защититься.

Все! Вот оно! Я медленно повернулся направо. Там стояла двухметровая фигура. Это существо походило и на человека, и на обезьяну. Длинная шерсть покрывала все его тело. Руки висели ниже колен. Глаза были небольшие и круглые. Они смотрели на меня, и я понимал, что это существо изучает меня, как какую-нибудь букашку.

Я не мог пошевелиться. Все мысли замерзли, да и слова застряли в горле. Да и зачем слова. Разве они могут помочь мне. Я опустил глаза, посмотрел на костер и снова взглянул на существо.

Страха не было. Я чувствовал себя бактерией, которую не очень-то изучают. Не нужна она. Существо могло раздавить меня, как какого-нибудь лесного клопа, а могло отпустить.

Я понимал, что это существо разумное, только его разум настолько далек от моего, что общего ничего нет.

Существо с шумным выдохом село у костра и продолжало смотреть на меня. Не сразу, но я понял, что оно считывает мою память. Почти таким же образом, как я считываю с предметов. Только гораздо глубже и более информативнее.

Я сидел и ждал. Иногда мне казалось, что существо внутренне улыбается, иногда хмурится. Странно чувствовать себя подопытным кроликом. Я, конечно, понимал, что существо считывало мою память не восьмидесятых годов, а моего реального времени. Что же оно там нашло?

Наконец существо хмыкнуло совсем как человек, и глаза его вернулись в настоящее. Оно хотело говорить со мной, я чувствовал это. В голове прозвучал тонкий голос, – тебе нужно разобраться с собой. Понять, что ты хочешь. Без этого ты не вступишь в этот поток времени. Да и в свой поток не вступишь. Тебе надо учиться жить в потоке жизни.

Я слушал этот голосок и недоумевал. Почему у существа такой тонкий голос. Словно услышав мои мысли, в моей голове зазвучал бас.

– Неважно каким образом можно выражать мысли. Пусть они сливаются с течением момента.

Я ничего не понимал. Но старался слушать. Существо протянуло руку ко мне, я отшатнулся, но волна спокойствия накрыла меня, и я вернулся обратно.

Существо трогало мою одежду и коснулось руки. Оно сняло мою варежку и накрыло мою руку своей лапицей. Его кисть была больше моей раза в три-четыре.

Я не понимал, чего хочет это существо. И тут словно что-то толкнуло меня в голову.

Надо посмотреть память существа. Я включился и не сразу, но пошли картины. Но они были такие, что я ничего не понимал.

Горы и скалы. Идут по тропе несколько человек. За спиной у них большие мешки. Один из них оглядывается, словно чувствует мой взгляд, и показывает рукой на высокий холм и затем на солнце. Картинка меняется. Нагромождение больших камней. Я понимаю, что где-то здесь вход в пещеру.

Картина меняется. Снова люди, они одеты в странную одежду, похожую на комбинезоны, они двигаются по лесу.

Потом другая картина. Костер. Сидят четверо. Двое мужчин и две женщины. Они в похожих комбинезонах. Из темноты виден какой-то агрегат. Один мужчина встает и идет к нему. Возвращается он к костру с какой-то тонкой доской.

Я отшатнулся. Мужчина начал показывать мне доску примерно величиной тридцать на сорок сантиметров. На ней появились картинки. Совсем как наши планшеты. Образ планшета приблизился, и я увидел, звездное небо. По нему летела яркая точка, похожая на комету. Вдалеке была планета. Я понял – это наша Земля. И что комета летит к ней.

Мужчина показывал мне комету, а до меня стало доходить, что мужчина передает в будущее, то есть мне, что скоро случится с этой местностью. Я понял – все эти люди обречены.

Тут же у меня появилась мысль, а может это память будущего, но кто-то, возможно существо мягко вернуло меня к мыслям о прошлом.

Мужчина нажал на планшете на значки и появилась карта. Он развернул ее и показал ее мне. Я старался запомнить эту карту. Я не обладал фотографической памятью, но карта отпечаталась у меня в сознании.

Через несколько секунд все подернулось дымкой и исчезло.

Существо отняло руку от меня, встало, внимательно посмотрело в глаза. И ... я все забыл. Как будто я никого не видел.

Я шел домой и думал, что ничего за болотом нет. Зачем я туда поперся. Только устал. Да еще у костра подремал. Все у меня забылось.

Я пошел домой, по пути проверял ловушки, ничего. Поднимался ветер, и я заспешил. Не хватало попасть в пургу. Тогда придется ночевать, иначе можно заблудиться.

В избушке было тепло. Дед сам подкинул дрова. Он посмотрел на меня и спросил, – никого не встретил? Я ответил, – никого. Не стал ему рассказывать о том, что ходил на болото. Больше не пойду туда.

Дед же хитро усмехнулся и сказал.

– В этих местах леший бродит. Не дай Бог попасться ему. Закружит, заведет в такие места, что и выхода не найдешь.

– А что тебя заводил? – спросил я.

– Меня нет. Я уже свой здесь. Я порядок не нарушаю. Знаю его. А вот парня с деревни закружил в прошлом году. Хорошо летом. Две недели парня не было. А вернулся, так ко мне привели. Говорил какую-то ерунду о волосатом человеке.

При этих словах дед пытливо уставился на меня. Я спокойно смотрел ему в глаза. Я же никого не видел.

– Лечил я парня неделю. Еле освободился он от наваждения. Хотя с той поры парень в лес перестал ходить.

– Это ты говоришь про снежного человека? – спросил я.

– Какого снежного человека? Нет никакого человека, – дед погрозил мне пальцем, – это все ученые придумали. Деньги им на экспедиции нужны, вот и придумывают всякую ерунду.

Легли спать. Я немного подумал про снежного человека. Вот на Кавказе его видели, почему бы и здесь ему не быть.

Тома отказывалась, но друг Любани настаивал. В конце разговора он сказал, что все равно отправит Любаню к ней за информацией.

Тома сидела у себя в каюте и пила чай. Какие дремучие люди. Современность, какая современность, ничем они не отличаются от своих предков. Так же верят в чудеса, в колдовство.

Раздался стук в дверь, и вошла Любаня. В махровом зеленом халате, она уселась на диван и стала просительно смотреть на Тому.

– Понимаешь, часы эти, подарок моей мамы. Они почти золотые, – застонала Любаня.

– Это как, почти золотые? – спросила Тома.

– Ну, позолоченные... – ответила Любаня.

– Так ты же всем сказала, что золотые, – недоумевала Тома.

Любаня замялась, опустила голову, стала теревить пояс халата. Потом вскинулась, – ну и что что позолоченные. Это не значит, что их можно украсть.

Она подвинулась к Томе и заглядывая в глаза, продолжала:

– Ты укажи мне кто украл. Я никому не скажу! Просто вор отдаст мне часы и все!

Тома улыбнулась. Как она может указать вора. Если бы Серый был, может и указал бы.

Любаня поняла так, что Тома хочет отказаться.

– Ты, Тома не думай. Я рассчитаюсь с тобой. Тебе три рубля хватит? – Любаня опять заглянула в глаза Томе.

Наверно она увидела что-то, потому что сказала, – хорошо, хорошо. Ты только не отказывайся. Пять рублей! Поверь, больше не могу!

Тома неожиданно увидела запреты Любани.

Ей нельзя обманывать себя, ей нельзя не делиться с другими, тем, что у нее есть лишнего. И ей нельзя не думать о том, кто она есть на самом деле.

Все это промелькнуло в одно мгновение в голове Томы. Но как она могла сказать такие вещи Любане. Во-первых, не поймет, во-вторых не поверит. Да и показывать свои способности Томе нельзя.

Любаня надоела. Чтобы отвязаться Тома согласилась посмотреть, кто же мог украсть часы. Когда Любаня ушла, Тома вздохнула и стала собираться на работу.

В районе лова было тепло. Судно ловило рыбу на широте Токио. И хотя была глубокая осень температура держалась пятнадцать-семнадцать градусов. Когда поднимали трал, то большая стая чаек летела за траулером. Они хотели поживиться выловленной рыбой.

Тома видела, как поднимают трал. Натужно гудит лебедка, несколько тросов тянут огромную сеть с мешком в конце. По палубе бегают бригада добычи. Она следит за тем, как вытягивают трал. И вот наконец появляется мешок. Он полностью забит рыбой. Он похож на большую колбасу, только блестящего цвета.

Бригада вытаскивает мешок, разрезает его и начинает спускать рыбу в бункеры, а там она поступает на фабрику, на переработку. Внизу в поте лица трудится другая бригада. Она сортирует рыбу и замораживает ее в блоки, которые после упаковки спускает в трюм.

Тома один раз ради интереса побывала в трюме. Было это после перегруза. То есть,

когда сдали всю рыбу из трюмов. Ей открыли люк в трюм, и она вслед за матросом начала спускаться по железной лестнице. Когда спустилась то поразилась огромному пространству. Буквально несколько часов назад все это было заполнено рыбой. А сейчас валялись обрывки бумаги, мелкий мусор.

Трюмный ходил и показывал. Вот здесь стоят стопки рыбы, вот здесь вверху крышка трюма. Она открывается во время перегруза, сверху опускают сетку и загружают коробки с рыбой. А потом поднимают и перегружают на другое судно.

На кухню заскочила Вера. Она сказала, – идем в Японию!

– Как это? – удивился Костя повар, – у нас же нет визы. Нам нельзя.

– Да у Семена слесаря несчастье. В глаз стружка железная попала. Наш доктор не мог достать, а глаз уже загноился. Вот наш кэп и договорился с японцами. Сейчас будут сдавать его на берег, на операцию.

Через час показался берег. Судно подходило к бухте Исиномаки. Скоро запахло берегом. А когда подошли ближе и стали входить в бухту, то все обратили внимание на то, что в воде много мусора. Обрывки ткани, бутылки, какие-то пластмассовые части от чего-то. По громкой связи объявили, чтобы с палубы все немедленно спустились в свои каюты. Опасались того, чтобы кто-нибудь не сбежал, поняла Тома.

А берег было вот он, совсем рядом. Совсем недалеко от них проходила дорога, по ней ехали японские автомобили. За дорогой был поселок. По бухте сновали буксиры. Вот и к ним подошел один из них. Аккуратненький, чистенький, он пришвартовался к борту траулера. Началась пересадка больного слесаря с траулера на буксир.

Вера смотрела во все стороны и вперед на поселок и вниз, что там делается на буксире. Она увидела, как из иллюминатора одной из кают траулера что-то быстро передали на буксир. В ответ с буксира тоже сунули похожее на мешок в руки моряков траулера. Все это произошло настолько мгновенно, что никто ничего не понял.

– Это порнографические журналы передали, – сказал Вера, – а наши сигареты им бросили, наверно Стюардессу, или Родопи. У японцев сигареты дорогие.

Но видимо на судне были доброжелатели, а где их нет, они и доложили помполиту о произошедшем. И после того, как буксир отошел, по всем каютам по громкой связи прозвучало объявление: – только что на борт судна была передана пачка журналов. Немедленно принесите их на мостик. В случае отказа будет произведен поиск и в случае нахождения виновный будет лишен премии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5oh>